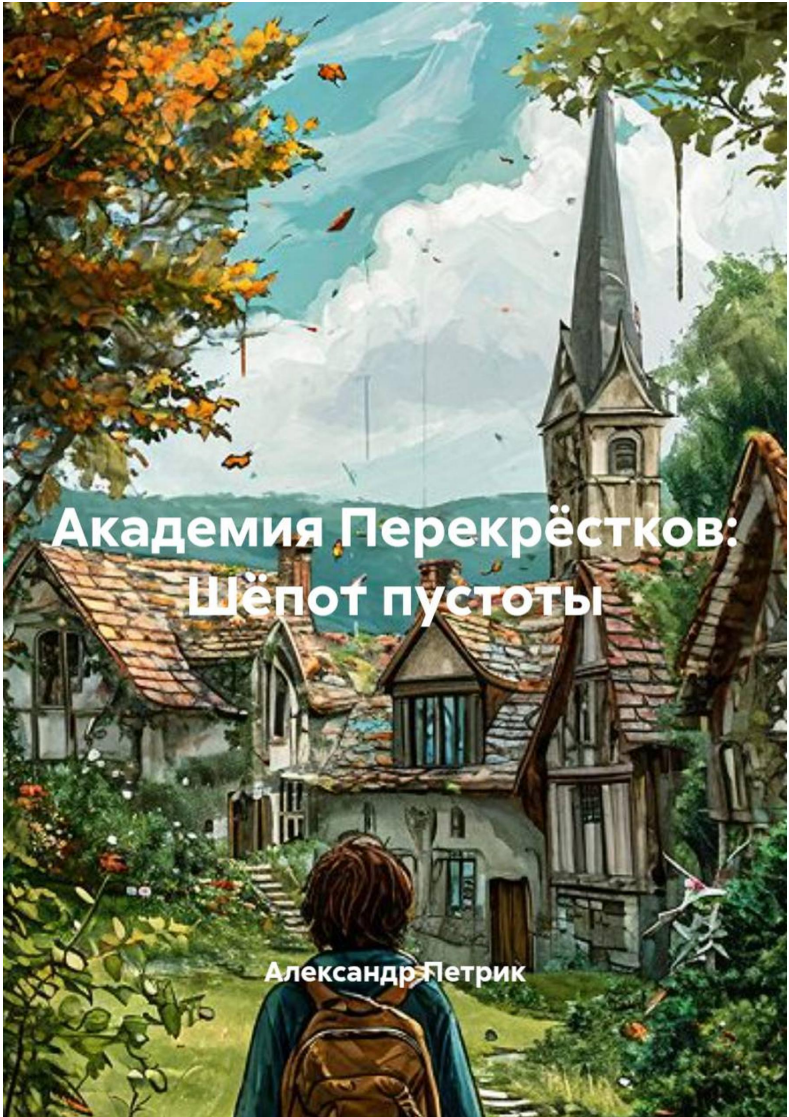

Академия Перекрёстков:
Шёпот пустоты
Александр Петрик

Александр Петрик

Академия Перекрёстков: Шёпот пустоты

https://litres.ru/74231798
SelfPub; 2026

Аннотация

Элио Уиллоу — обычный подросток из маленького городка. У него нет выдающихся талантов, зато есть школьный хулиган, который не даёт прохода, и младшая сестра, которая верит в драконов. Всё меняется, когда Элио начинает слышать шёпот. Дождь говорит с ним. Ветер предупреждает об опасности. Тишина складывается в слова.

Оказывается, Элио — маг. И не просто маг, а носитель редчайшего Проводника — Пустоты. Он слышит вероятности, видит несбывшееся и может выбрать путь, который определит судьбу двух миров.

Академия Перекрёстков — древняя школа, стоящая на границе между реальностью и Изнанкой, — открывает перед ним двери. Здесь Элио найдёт друзей: Финн, эмпата, которая чувствует чужую боль как свою; Лин, которая молчала пять лет, потому что каждое её слово обладает силой; и Кассиана, аристократа, чьё отражение в зеркале живёт собственной жизнью.

Но Академия хранит тёмные тайны. Профессор Крофт, декан Крыла Договора, собирает «Тихий Хор» — двенадцать студентов с подчинённой волей.

Содержание

Глава 1. Обычный день 8
Глава 2. Человек в сером пальто 29
Глава 3. Дорога без карты 51
Глава 4. Атриум Перехода 66
Глава 5. Крыло Состояний 83
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Александр Петрик
Академия Перекрёстков: Шёпот пустоты

Академия Перекрёстков: Шёпот пустоты

Пролог

Песок под ногами был чёрным. Ещё утром он был белым — мелким, почти светящимся, как толчёный жемчуг. Теперь он напоминал пепел. Он впитывал магию, как и всегда, но магии было слишком много — она сочилась из трещин в куполе Арены, стекала по стенам, пульсировала в воздухе, и песок захлёбывался ею. Он почернел и больше не светился.

Элио стоял в центре Арены и не мог пошевелиться. Вокруг него, расставленные через равные промежутки, замерли двенадцать студентов. Они стояли спиной к нему, лицом к трибунам, и Элио не видел их глаз. Но он знал, что они пусты. Бесцветные. Когда-то у них были имена, были Проводники, были мечты и страхи. Теперь они были нотами. Двенадцать нот, готовых слиться в аккорд.

Профессор Крофт называл это «Тихим Хором».

— Ты слышишь его? — спросил Крофт.

Он стоял у края Арены, на том месте, откуда обычно на-

чинал занятия профессор Корвус. Тень Крофта лежала у его ног — но неправильно. Она была длиннее, чем нужно, и тянулась не назад, а вперёд, к центру Арены, к Элио. Тень не соответствовала фигуре хозяина. Она жила сама по себе.

Элио слышал. Это было похоже на гул — низкий, вибрирующий, на самой границе слышимого. Он шёл не от студентов. Он шёл отовсюду сразу: от песка, от стен, от неба, которое над Ареной всегда было чужим, с незнакомыми звёздами. Гул нарастал. Это пел Перекрёсток. Это пела Изнанка, предчувствуя освобождение.

— Я не буду, — сказал Элио. Губы едва слушались. — Я не стану твоим дирижёром.

Крофт улыбнулся. У него была мягкая, почти печальная улыбка — улыбка человека, который знает больше тебя и давно смирился с этим знанием.

— Ты думаешь, у тебя есть выбор, Элио? Твой Проводник — пустота. Ты — пауза между словами, тишина между нотами. Без тебя Хор — просто шум, а с тобой — музыка. Музыка, которая сотрёт грань между мирами и вернёт магию домой.

Тень метнулась. Элио вскинул руку — не осознанно, на чистом инстинкте, — и мир вокруг него замер. На долю се-

кунды. Песчинка, подхваченная ветром, остановилась в воздухе. Тень Крофта застыла в полуметре от его лица. Двенадцать студентов перестали дышать.

Шепот. Тысячи вероятностей хлынули в голову Элио. Если он шагнёт влево — тень промахнётся, но заденет кого-то из Хора. Если шагнёт вправо — споткнётся о чёрный песок, и тень накроет его. Если останется на месте — тень войдёт в него, и он станет дирижёром, и Хор запоёт, и мир рухнет.

А ещё была вероятность, которую он едва расслышал — тоненький, далёкий голос среди тысяч других. Он говорил: «Доверься им».

Элио не знал, кому «им». Он не знал, успеют ли они. Но он сделал единственное, что мог. Он отпустил паузу.

Мир дёрнулся и продолжил двигаться. Тень Крофта прыгнула вперёд — и в этот миг зеркальная вспышка полоснула по глазам, ледяное слово ударило в барабанные перепонки, а воздух наполнился запахом мяты и грозы.

Элио упал на чёрный песок и засмеялся. Он не знал, почему смеялся. Наверное, от облегчения. Наверное, от ужаса. Наверное, от того, что его друзья — невозможные, невыносимые, лучшие — всё-таки успели.

Вокруг бушевала битва, а он лежал на песке, смотрел на чужие звёзды и думал о том, что три месяца назад он даже не знал, что магия существует.

Три месяца назад всё было просто.

Глава 1. Обычный день

Будильник зазвенел в шесть тридцать. Элио Уиллоу ненавидел этот звук. Не просто не любил — именно ненавидел, той чистой, незамутнённой ненавистью, на которую способен только подросток, которого оторвали от сна. Звонок был пронзительным, механическим, безжалостным. Он ввинчивался в уши и не отпускал, пока не нажмёшь кнопку. Элио протянул руку, не открывая глаз, и нашарил будильник на полке.

Полка была одна на всю комнату. Она висела над аквариумом — дурацкое место, но комната была маленькая, а других свободных стен не было. Элио нащупал кнопку, нажал — и будильник выскользнул из пальцев.

Раздался короткий треск. Из аквариума повалил дым.

— Чёрт! — Элио подскочил на кровати.

Золотая рыбка по имени Кардинал метнулась в угол аквариума и замерла там, оскорблённо шевеля плавниками. Будильник лежал на дне, среди разноцветных камешков и пластиковых водорослей, и из него поднималась тонкая струйка пузырьков.

— Элио! — донёсся снизу мамин голос. — Что ты там делаешь?

— Ничего! — крикнул он, выуживая будильник сачком. — Всё в порядке!

Будильник, разумеется, умер. Стрелки застыли на 6:31. Элио посмотрел на мокрый циферблат и почему-то почувствовал облегчение. Будильник означал школу. Школа означала Тревора Мейсона. А Тревор Мейсон означал, что мир устроен просто и паршиво.

Он положил будильник на подоконник — может, высохнет — и оглядел комнату. Она была маленькой, но уютной, как нора хоббита. Узкая кровать у стены, застеленная синим покрывалом с выцветшими звёздами (мама купила его, когда Элио было восемь и он хотел стать астронавтом). Письменный стол, заваленный учебниками, тетрадями и парой комиксов про космических пиратов. Шкаф с оторванной ручкой — её оторвала Тали два года назад, когда пыталась повиснуть на дверце. Аквариум с Кардиналом. Полка, на которой теперь не было будильника.

Кардинал всё ещё дулся. Он плавал кругами, прижав плавники, и всем своим видом выражал презрение к хозяину.

— Прости, — сказал Элио рыбе. — Я не нарочно.

Кардинал не ответил. Он был золотой рыбкой, а не собе-

седником.

Элио натянул джинсы и футболку с логотипом группы «The Paper Kites» — он слушал их два года назад, но футболка была удобной. Выглянул в окно. За стеклом моросил дождь — мелкий, серый, ноябрьский. Улица была мокрой, деревья стояли голые, а небо было цвета мятой газеты. Обычное утро в Колвиче.

Колвич был небольшим городком в часе езды от Лондона. Три тысячи жителей, одна школа, одна церковь, один супермаркет и один автобусный маршрут. Люди здесь рождались, женились, работали и умирали, не уезжая дальше соседнего графства. Элио иногда казалось, что городок — это аквариум, а он — золотая рыбка, которая плавает по кругу и забывает всё, что видела, через три секунды. Он спустился на кухню.

Кухня была сердцем дома — в прямом смысле. Здесь всегда было тепло, даже когда отопление барахлило. Пахло блинчиками, корицей и кофе. Мама стояла у плиты, переворачивая блинчики лопаточкой. На ней был старый фартук с надписью «Лучшей маме» — подарок Тали на прошлое Рождество, — и её пепельно-русые волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди.

— Твой будильник странно прозвенел, — сказала она, не оборачиваясь.

— Он утонул, — сказал Элио и сел за стол.

Мама вздохнула. Это был особый вздох — не сердитый, а скорее философский. Вздох человека, который давно привык, что её сын время от времени роняет вещи в аквариум.

— Третий будильник за два года, — сказала она. — Может, завести петуха?

— Петухи орут громче, — сказал Элио.

— Зато не тонут.

Тали уже сидела за столом. Ей было десять, и она была копией мамы — те же пепельные волосы (только заплетённые в две косички), те же голубые глаза, та же привычка рисовать везде, где можно и нельзя. Сейчас она рисовала в альбоме, высунув язык от усердия. Вокруг неё валялись цветные карандаши, фломастеры и крошки от печенья.

— Смотри, — сказала она и подняла альбом.

На рисунке был дракон. Фиолетовый, с зелёными крыльями и в очках. Он сидел за столом, заваленным книгами, и держал в лапе чашку с чем-то дымящимся.

— Это мистер Чарльз, — объяснила Тали. — Он библиотекарь, но вообще-то он дракон. Никто не знает, что он дракон, потому что он носит очки. Очки — это маскировка.

— Логично, — сказал Элио.

— Он пьёт чай и читает книги. Он прочитал все книги в библиотеке, даже скучные. А по ночам он летает над городом и смотрит, все ли спят.

— А если кто-то не спит?

— Тогда он спускается и читает ему сказку. Но так тихо, что никто не просыпается.

Элио посмотрел на рисунок. У дракона было доброе лицо — насколько драконье лицо вообще может быть добрым. Очки были круглые, как у профессора.

— Мне нравится, — сказал он. — Подаришь?

— Он ещё не закончен! — возмутилась Тали и прижала альбом к груди. — У него нет хвоста. И чай остыл. Я дорисую и подарю.

Мама поставила на стол тарелку с блинчиками. Элио налил себе чай и начал есть. Блинчики были тонкие, кружевные, с хрустящими краями — мамино фирменное блюдо. Она пекла их по выходным и иногда по средам, когда у неё было настроение.

— Папа уже ушёл? — спросил Элио.

— В шесть, — сказала мама. — У них там какой-то срочный заказ. Кажется, «Лексус» с разбитым радиатором. Он

сказал, будет поздно.

Папа работал в автомастерской на окраине Колвича. Она называлась «У Марка» — просто и без затей, как и всё, что делал папа. Он был механиком, и его руки всегда пахли машинным маслом, сколько бы он их ни мыл. Элио иногда заходил к нему после школы и сидел в углу гаража, наблюдая, как папа колдует над двигателями. В эти моменты он казался волшебником — не магическим, а настоящим, который понимает язык машин.

— Он просил передать, что гордится тобой, — сказала мама.

— За что? — удивился Элио.

— Не знаю. Просто гордится.

Элио хмыкнул и доел блинчик. Папа иногда говорил странные вещи — без повода, без причины. Как будто чувствовал, что Элио нужно это услышать.

Завтрак закончился. Элио поцеловал маму в щёку, потрепал Тали по голове, натянул куртку и вышел на улицу. Дождь усилился. Капли стучали по капюшону, по асфальту, по крышам припаркованных машин. Стук был ритмичным, монотонным, убаюкивающим. Элио сунул руки в карманы и пошёл к школе.

Школа называлась «Колледж Святого Иакова» и пред-

ставляла собой длинное трёхэтажное здание из красного кирпича, построенное в те времена, когда архитекторы искренне верили, что красота и удобство — это грех. Окна были узкими, как бойницы, коридоры — тёмными и гулким, а отопление работало через раз. Над входом висела каменная табличка с девизом: «Знание — сила». Кто-то из старшекурсников давным-давно приписал маркером: «А отсутствие знания — счастье». Учителя пытались стереть, но надпись возвращалась снова и снова, как проклятие.

Элио пересёк школьный двор. Дождь барабанил по асфальту, и звук был таким ровным, что его можно было не замечать. Но что-то было не так. Элио замедлил шаг. Капли стучали иначе.

Не просто беспорядочный шум — в нём появился ритм. Как будто кто-то выстукивал азбуку Морзе. Три коротких удара, два длинных, пауза, ещё один короткий. Элио помотал головой. Дождь есть дождь. Ему показалось. Он пошёл дальше.

Капли застучали громче. Теперь это был не просто ритм — это был голос. Или не голос. Шёпот. Слов было не разобрать, но интонация — вопросительная, почти вежливая. Как будто дождь спрашивал его о чём-то.

Элио остановился. Сердце забилось быстрее. Он огляделся — во дворе были другие ученики. Они спешили к дверям, прячась под капюшонами и зонтами, перепрыгивая через лужи. Никто не прислушивался к дождю. Никто не заме-

чал, что капли складываются в слова.

— Эй, Уиллоу!

Элио обернулся. К нему направлялся Тревор Мейсон собственной персоной — высокий, широкоплечий, с вечной ухмылкой на квадратном лице. За ним, как всегда, семенили двое приятелей: один толстый и рыхлый, другой тощий и прыщавый. Элио называл их про себя «Тень-один» и «Тень-два», потому что самостоятельно они не существовали — только при Треворе.

— Ты чего встал посреди двора? — Тревор подошёл вплотную. Он был на голову выше Элио и использовал это при каждой возможности. — Молишься дождю?

— Я просто задумался, — сказал Элио.

— Ты вечно задумываешься, — Тревор хохотнул. Тень-один и Тень-два подобострастно заржали. — Смотри, задумаешься когда-нибудь так сильно, что упадёшь. Или утонешь. Как твой будильник.

Откуда он знает про будильник? Элио не успел спросить. Тревор хлопнул его по плечу — сильно, чуть более сильно, чем нужно для дружеского жеста, — и прошёл мимо. Тени засеменили следом.

Элио потёр плечо и пошёл к дверям. Ему не было обидно.

Тревор был неприятным, но предсказуемым. Его можно было вынести, как плохую погоду. Просто переждать.

Но дождь его беспокоил. Дождь говорил с ним. Или ему казалось, что говорил. И неизвестно, что хуже.

Первый урок — математика. Элио сидел у окна, подперев голову рукой, и смотрел на капли, стекающие по стеклу. Мистер Бёрк, учитель математики, стоял у доски и объяснял квадратные уравнения. Это был высокий, тощий мужчина с вечно недовольным лицом и привычкой дёргать себя за галстук, когда кто-то отвечал неправильно. Сейчас он писал на доске формулу, и мел противно скрипел.

— Квадратное уравнение вида «а икс квадрат плюс бэ икс плюс цэ равно нуль» решается через дискриминант, — бубнил мистер Бёрк. — Дискриминант равен бэ квадрат минус четыре а цэ...

Элио не слушал. Он смотрел на дождь. Капли на стекле складывались в узоры. Вот одна побежала вниз, догнала другую, слилась с ней — и на стекле появилась изогнутая линия, похожая на букву. За ней — вторая. Третья. Дождь рисовал на стекле слова. Или ему казалось, что рисовал.

СКОРО.

Элио моргнул. Узор исчез — просто капли, просто стекло,

просто ноябрьский дождь.

— ...и если дискриминант больше нуля, уравнение имеет два корня, — продолжал мистер Бёрк. — Уиллоу!

Элио вздрогнул.

— Я спросил, чему равен икс в уравнении на доске!

Элио посмотрел на доску. Там было уравнение: $x^2 + 3x — 10 = 0$. Он знал, как это решать. Дискриминант — 9 + 40 = 49. Корень из 49 — 7. Иксы — (-3+7)/2 = 2 и (-3-7)/2 = -5. Он знал это. Но вместо цифр в голове звенел шёпот дождя.

— Икс равен... — он запнулся, — ...семи?

— Минус пяти и двум, — произнёс мистер Бёрк ледяным тоном. — Минус пяти и двум, Уиллоу. Вы вообще меня слушали?

Сзади раздался смешок Тревора. Элио сжал зубы.

— Извините, — сказал он.

— Извинения не решают уравнения, — отрезал мистер Бёрк. — К доске пойдёт Мейсон. А вы, Уиллоу, остаётесь после уроков.

Тревор, ухмыляясь, прошествовал к доске. Элио уставился в тетрадь. Минус пять и два. Конечно. Он знал это. Просто дождь… Дождь снова зашептал.

Теперь Элио слышал слова яснее. Не все, но отдельные фразы пробивались сквозь шум класса, сквозь скрип мела, сквозь голос мистера Бёрка.

«...будет выбор...»

«...не опоздай...»

«...он уже идёт...»

Элио поднял глаза. Дождь за окном был просто дождём. Капли на стекле — просто каплями. Никто ничего не слышал. Он зажмурился и потёр виски.

«Я не сумасшедший, — сказал он себе. — Я просто устал. Или заболеваю. Или...»

Или дождь действительно говорит с ним. И от этой мысли становилось страшно. На перемене Элио стоял в коридоре у автомата с кофе и ждал, пока нальётся картонный стаканчик. Кофе здесь был отвратительный — горький, пережжённый, с привкусом пластмассы, — но он пил его каждую перемену. Не ради вкуса. Ради ритуала. Ради того, чтобы занять руки.

— Уиллоу!

Элио обернулся. К нему шёл Тревор. Один, без теней — что бывало редко.

— Чего тебе?

— Да так, — Тревор встал рядом. — Смотрю, ты сегодня сам не свой. Разговариваешь с дождём, уравнения решить не можешь. Может, заболел?

— Может.

— А может, — Тревор понизил голос, — ты просто странный. Я давно заметил. Ты всё время где-то витаешь. Как будто тебя здесь нет. Как будто ты слушаешь что-то, чего никто не слышит.

Элио замер. Стаканчик с кофе нагревал ладонь.

— Я не слушаю, — сказал он.

— Ну-ну, — Тревор усмехнулся. — Слушай дальше. Только смотри, не заслушайся до психушки.

Он развернулся и ушёл. Элио стоял у автомата и смотрел ему вслед. Тревор был грубым, тупым и предсказуемым. Но сейчас он попал в точку. Сам того не зная.

После уроков Элио остался в классе. Мистер Бёрк дал ему дополнительное задание — десять уравнений на дискрими-

нант. Элио решил их за пятнадцать минут, молча положил тетрадь на стол и вышел. Мистер Бёрк что-то буркнул ему вслед, но он не расслышал.

Он шёл по пустому коридору, и его шаги гулко отдавались от стен. Школа после уроков была другим местом — тихим, сумрачным, почти жутким. Казалось, что из-за угла вот-вот выйдет кто-то, кого здесь быть не должно. Элио ускорил шаг.

У выхода он задержался. На двери висело объявление — ярко-жёлтое, привлекающее внимание. «ВНИМАНИЕ! Пропала собака. Порода — лабрадор, окрас — палевый, отзывается на кличку Барни. Нашедшему — вознаграждение». Ниже был номер телефона и фотография — лохматый пёс с высунутым языком.

Элио посмотрел на фотографию и вдруг почувствовал странное. Собака пропала три дня назад. Он знал это — не из объявления, а откуда-то ещё. И знал, что она жива. И знал, где она.

Старый сарай за футбольным полем. Там, где старшеклассники курили после уроков. Собака застряла в яме под сараем — провалилась, когда гналась за белкой, и не могла выбраться. Она скулила по ночам, но никто не слышал.

Элио замер посреди коридора. Откуда он это знал? Он не видел эту собаку. Он не был за футбольным полем уже месяц. Но знание сидело в голове — ясное, чёткое, как решённое уравнение.

Шёпот. Это был шёпот. Дождь рассказал ему. Или не

дождь — что-то другое. Что-то, что говорило через дождь.

Элио стоял в пустом коридоре, и сердце колотилось где-то в горле. Он мог пойти домой. Сделать вид, что ничего не было. Или он мог проверить.

Он вышел из школы и направился к футбольному полю.

Сарай стоял на краю поля — старый, покосившийся, с проржавевшей крышей. Вокруг него росли кусты ежевики, и земля была усыпана окурками. Элио обошёл сарай, раздвинул кусты и увидел яму. Она была узкой и глубокой, прикрытой досками — кто-то пытался её заколотить, но доски сгнили. Из ямы донёсся тихий скулёж.

Элио лёг на живот и заглянул в темноту. На дне ямы, метрах в двух, сидел палевый лабрадор. Он был грязный, тощий и напуганный, но живой. Увидев Элио, пёс заскулил громче и завилял хвостом.

— Барни, — сказал Элио. — Хороший пёс. Я сейчас.

Он нашёл длинную доску, опустил её в яму под углом. Лабрадор, повинуясь то ли инстинкту, то ли отчаянию, вскарабкался по доске, срываясь и царапая когтями дерево. Элио подхватил его под передние лапы и вытащил.

Пёс был в восторге. Он прыгал вокруг Элио, лизал руки, тыкался мокрым носом в колени и скулил — теперь уже радостно. Элио сидел на мокрой траве, обнимал грязного пса и пытался осознать, что только что произошло.

Дождь рассказал ему. Дождь показал ему, где собака. Дождь говорил с ним — и он услышал. Он достал телефон и набрал номер с объявления.

Через полчаса примчался хозяин — мужчина лет сорока в дорогом пальто, с красным от волнения лицом. Увидев Барни, он чуть не расплакался.

— Где вы его нашли? Как? Мы три дня искали!

— Случайно, — сказал Элио. — Проходил мимо, услышал скулёж.

Хозяин пытался вручить ему вознаграждение — мятые купюры, которые он доставал из кармана дрожащими руками, — но Элио отказался. Он не хотел денег. Он хотел понять.

Вечером он сидел в своей комнате и смотрел на аквариум. Кардинал плавал кругами, всё ещё обиженный. За стеной Тали смотрела мультфильм про драконов. Внизу мама гремела посудой.

Элио достал тетрадь по истории, открыл чистую страницу и написал:

«Сегодня я нашёл собаку. Я знал, где она. Мне сказал дождь. Или не дождь — что-то внутри меня. Что-то, что шепчет. Оно сказало мне про собаку. До этого оно говорило, что „скоро“ что-то случится. Я не знаю, что. Но, кажется, я схожу с ума. Или становлюсь кем-то другим».

Он перечитал написанное. Потом зачеркнул последнее предложение и дописал:

«Я не сумасшедший. Я просто слышу то, чего не слышат другие. Может быть, это нормально. Может быть, я не один такой».

Он закрыл тетрадь, выключил свет и лёг в кровать. Дождь за окном стих. В тишине он слышал только своё дыхание и далёкий, на самой границе слышимости, шёпот.

«Ты не один. Ты никогда не был один. Он уже идёт».

Элио закрыл глаза. Завтра будет новый день. Может быть, шёпот исчезнет. Может быть, станет громче. Может быть, он сойдёт с ума. А может быть — что-то изменится.

Засыпая, он думал о том, что шёпот назвал его по имени. И это было странно. И страшно. И почему-то — утешительно.

«Элио. Элио Уиллоу. Ты слышишь нас. Ты — первый за сто лет, кто слышит нас без Церемонии. Ты — Пустота. Ты — начало».

Элио спал. Ему снился перекрёсток четырёх дорог. И фонарь. И голос, который говорил: «Добро пожаловать».

Прошло ещё два дня. Суббота наступила серой и дождливой — такой же, как и все дни этой недели. Элио сидел на диване в гостиной, листал комикс про космических пиратов и пытался не думать о том, что с ним происходит. Это было трудно, потому что шёпот возвращался снова и снова. Он слышал его в дожде, в ветре, в шуме воды из крана. Шё-

пот говорил о вещах, которые должны произойти. О мелких: «чашка упадёт» — и чашка падала. О странных: «письмо сегодня» — и почтальон приносил письмо. И о страшных: «он идёт».

Элио не знал, кто такой «он». Но шёпот повторял это каждый день.

Тали сидела на ковре и строила замок из кубиков. Замок был амбициозным — с башнями, мостом и рвом. Во рву лежала синяя ленточка, изображавшая воду. На башнях стояли пластиковые солдатики.

— Это замок королевы Финолы, — объяснила Тали. — Она правит страной, где всегда лето. Но злой колдун хочет украсть у неё солнце.

— И как она его остановит? — спросил Элио, не отрываясь от комикса.

— Она не остановит. Она позовёт дракона. Мистер Чарльз прилетит и сожжёт колдуна.

— Библиотекарь-дракон сжигает колдунов? Это несколько противоречит его профессии.

— Он в отпуске, — сказала Тали так, будто это всё объясняло.

С кухни доносился запах выпечки. Мама пекла печенье — имбирное, которое Элио не любил, но ел, потому что мама вкладывала в него душу. Папа был в гараже. Дождь стучал

по крыше. А потом раздался стук в дверь.

Три удара. Ровные, как метроном. Не громкие, но отчётливые.

— Я открою! — Тали вскочила и побежала в прихожую раньше, чем Элио успел пошевелиться.

Он услышал, как щёлкнул замок, как скрипнула дверь — и как Тали сказала:

— Ой. Здрасьте.

Голос у неё был удивлённый, но не испуганный. Элио отложил комикс и сел.

На пороге стоял человек в сером пальто.

Он был высоким — ему пришлось слегка пригнуться, чтобы не задеть притолоку. Пальто было длинным, до щиколоток, и выглядело так, будто его носили лет пятьдесят не снимая: вытертое на локтях, с потёртым воротником, но чистое. Под пальто — тёмный костюм, белая рубашка без галстука, верхняя пуговица расстёгнута. Лицо у незнакомца было узкое, с резкими морщинами, идущими от носа к уголкам рта, и трёхдневной щетиной, которая серебрилась сединой. Волосы тёмные, с проседью, зачёсаны назад. Глаза серые, очень светлые, и смотрели они не на Тали — они смотрели поверх неё, прямо на Элио.

— Добрый день, — сказал незнакомец. Голос у него был глухой, с хрипотцой, но не неприятный. — Меня зовут Сайлас Вейл. Я ищу Элио Уиллоу.

— Это я, — сказал Элио, поднимаясь с дивана. — А вы кто?

— Я — Смотритель, — сказал человек в сером пальто.

Элио моргнул. Смотритель чего? Музея? Парка? Психиатрической лечебницы? Он открыл рот, чтобы спросить, но из кухни уже вышла мама, вытирая руки полотенцем.

— Здравствуйте, — сказала она, и её голос прозвучал настороженно, но вежливо. — Вы к Элио? По какому вопросу?

— По вопросу его образования, мэм, — сказал Сайлас Вейл. — Могу я войти? Разговор займёт некоторое время, и будет лучше, если мы сядем.

Мама колебалась ровно секунду. Элио видел, как она оценивает незнакомца: потёртое пальто (бедный, но приличный), чистая рубашка (следит за собой), спокойный взгляд (не псих). Что-то в нём, видимо, прошло проверку — мама отступила в сторону.

— Проходите. Чай будете?

— Буду, — сказал Вейл. — Чёрный, без сахара.

И переступил порог. Элио смотрел на него и чувствовал, как внутри что-то замирает. Шёпот в голове затих — впервые за три дня. И эта тишина была оглушительной.

Незнакомец в сером пальто прошёл в гостиную, сел на стул и взял чашку чая так, будто делал это сотни раз. Он не смотрел по сторонам. Он смотрел на Элио.

— Ты слышишь шёпот, — сказал он. Это был не вопрос.

Элио почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— Откуда вы...

— Я знаю, — сказал Вейл. — Я пришёл за тобой. Твой Проводник пробудился. И это значит, что тебе нужно учиться.

— Учиться чему?

— Магии, — сказал Вейл. — В Академии Перекрёстков.

Он поставил чашку на блюдце. Блюдце тихо звякнуло. Мама стояла в дверях кухни, сжимая полотенце. Папа, которого позвали из гаража, стоял за её спиной, скрестив руки на груди. Тали прижалась к Элио и смотрела на гостя огромными глазами.

За окном шёл дождь. Обычный, ноябрьский, серый. Но теперь Элио знал, что дождь — не просто дождь. И что его

жизнь только что кончилась. Или началась — смотря как считать.

Глава 2. Человек в сером пальто

Сайлас Вейл сидел в гостиной на стуле, который был ему маловат. Колени почти касались подбородка, но он, казалось, этого не замечал. Он пил чай, держа чашку длинными пальцами — бледными, с аккуратно подстриженными ногтями, на которых темнела кайма въевшейся грязи. Не грязи — чего-то другого. Сажи? Пепла? Элио не мог понять.

Мама сидела в кресле напротив, прямая как струна. Она не притронулась к своему чаю. Папа стоял за её спиной, скрестив руки на груди, и его лицо ничего не выражало — кроме, может быть, сдерживаемого желания выставить незваного гостя за дверь. Тали пристроилась на подлокотнике дивана рядом с Элио, вцепившись в его рукав. Она смотрела на Вейла так, как смотрела на фокусников в цирке, — с восторгом и недоверием.

В гостиной было тесно. Семья Уиллоу не привыкла принимать гостей в субботу днём, да ещё таких странных. Обычно в это время папа возился в гараже, мама пекла печенье, а Тали строила замки на ковре. Всё было предсказуемо. Теперь в центре комнаты сидел человек, который утверждал, что Элио — маг, и весь привычный мир трещал по швам.

— Давайте по порядку, — сказал папа. Голос у него был

спокойный, но Элио слышал в нём стальные нотки. Так папа говорил, когда механик из соседнего сервиса пытался обсчитать его за запчасти. — Вы заявляетесь в наш дом без предупреждения. Говорите моему сыну, что он маг. Показываете какой-то фокус с огоньком...

— Это был не фокус, — перебил Вейл. Он говорил без раздражения, но и без попыток смягчить. — Это была демонстрация. Базовая манипуляция магической энергией. Мой Проводник позволяет мне видеть связи между предметами и их владельцами. Я показал вам то, что увидел: вилки в ящике, ложку за холодильником, фантик под подушкой вашей дочери. Это не фокус. Это магия.

Папа нахмурился.

— Допустим. Допустим, вы правы. Допустим, магия существует, и мой сын — этот самый... маг. Что дальше? Зачем вы пришли?

— Я пришёл, потому что необученный маг опасен, — сказал Вейл. — Для себя и для окружающих.

В гостиной стало тихо. Только дождь стучал по крыше и по стеклу — размеренно, монотонно, как метроном. Элио слушал дождь и ждал, что шёпот вернётся, но в голове было тихо. Присутствие Вейла будто приглушало его, как глушат радиопомехи. Это было непривычно. И немного пугающе.

— Что значит — опасен? — спросила мама. Её голос дрогнул.

Вейл поставил чашку на блюдце. Он сделал это очень аккуратно — так аккуратно, что блюдце не звякнуло. Элио заметил, что все движения у него были такими: точными, выверенными, как у хирурга или сапёра. Он не тратил энергию зря.

— Ваш сын слышит шёпот, — сказал Вейл. — Он слышит его уже несколько дней. Может быть, неделю. Шёпот говорит ему о вещах, которые должны произойти. О мелких событиях — упавшая чашка, письмо в почтовом ящике. И о более крупных. Я прав?

Элио почувствовал, как Тали сжала его рукав. Мама посмотрела на него. Папа тоже. Все ждали ответа.

— Да, — сказал Элио. Голос прозвучал тихо, но твёрдо. — Я слышу дождь. Он говорит со мной. Иногда — ветер. Иногда — просто тишина, но в ней есть слова. Я знал про собаку. Про Барни. Я знал, где он, хотя никогда его не видел.

— Про какую собаку? — спросила мама.

— Лабрадор, который пропал три дня назад, — сказал Элио. — Я нашёл его за футбольным полем. Он провалился

в яму под старым сараем. Я просто... знал. Шёпот сказал мне.

Мама прижала ладонь ко рту. Папа перевёл взгляд с Элио на Вейла и обратно.

— И что это значит? — спросил он. — Этот шёпот. Он опасен?

— Пока нет, — сказал Вейл. — Пока это просто голоса. Но шёпот — это только начало. Проводник вашего сына пробудился спонтанно. Такое случается раз в поколение. Обычно Проводники пробуждают на Церемонии Инициации, под контролем наставников, с защитными заклинаниями и подготовкой. У Элио всё произошло само. Это значит, что его Проводник очень силён. И очень нестабилен.

— Проводник, — повторил папа. — Что это вообще такое?

Вейл помолчал. Элио видел, как он подбирает слова — не чтобы скрыть правду, а чтобы сделать её понятной. Как переводчик с очень сложного языка.

— Проводник — это личная связь с источником магии, — сказал он наконец. — Магия не живёт в человеке. Она живёт в Изнанке — пространстве за гранью реальности, которое существует параллельно нашему миру. Проводник — это мост между магом и Изнанкой. У каждого он свой. У ме-

ня — способность видеть историю предметов, их связь с владельцами. У моего коллеги — способность слышать ложь. У вашего сына — способность слышать вероятности. Возможные варианты будущего. Шёпот — это голоса вероятностей.

— Звучит как сумасшествие, — сказал папа.

— Для Глухих — да, — согласился Вейл.

— Для кого?

— Для Глухих. Так маги называют людей, не обладающих магическими способностями. Без обид — это технический термин. Ваша семья — Глухие. Элио — первый маг в роду за много поколений. Возможно, первый вообще.

Тали дёрнула Элио за рукав.

— Ты волшебник? — прошептала она. — Как мистер Чарльз?

— Мистер Чарльз — дракон, — прошептал Элио в ответ. — Я не дракон.

— Жалко.

Вейл чуть улыбнулся. Это была странная улыбка — она почти не затронула губ, только морщинки у глаз стали чуть глубже. Элио понял, что этот человек редко улыбается, но когда улыбается — это искренне.

— Ваша дочь, — сказал Вейл, обращаясь к маме, — вос-

принимает происходящее лучше всех вас. Для ребёнка магия — это чудо. Для взрослого — угроза привычному миру. Я понимаю. Я сам прошёл через это пятьдесят лет назад, когда мой Проводник пробудился и я впервые увидел историю каждой вещи в нашем доме. Я знал, что моя мать плакала над чайной чашкой, которую ей подарил отец перед смертью. Я знал, что мой брат тайком курил в сарае. Я знал всё. Мне было двенадцать. Это было невыносимо.

Он посмотрел на Элио.

— Твой Проводник — другой. Ты слышишь не прошлое, а будущее. Это редкий дар. Очень редкий. За последние сто лет ни у кого не было Проводника-Пустоты.

— Пустоты? — переспросил Элио.

— Так это называется. Пустота — это пространство, где ещё ничего нет. Где всё возможно, но ничто не предопределено. Ты слышишь вероятности — миллионы «если бы». Если ты не научишься это контролировать, шёпот станет громче. Он превратится в голоса. Голоса — в крик. И однажды ты перестанешь различать, что реально, а что — только возможно. Ты будешь жить в мире, где всё происходит одновременно, и это сведёт тебя с ума.

В гостиной повисла тишина. Тали перестала дышать. Мама сидела бледная как полотно. Папа смотрел на Вейла с вы-

ражением, которое Элио не мог расшифровать.

— И что же вы предлагаете? — спросила мама. — Отдать вам сына?

— Я предлагаю ему обучение, — сказал Вейл. — Академия Перекрёстков — это школа для магов. Ей тысяча лет. Она находится в пространстве между мирами — между Лицевой стороной, где живёте вы, и Изнанкой, где живёт магия. Там Элио научат управлять Проводником. Он будет в безопасности. Он будет среди таких, как он.

— Тысяча лет? — переспросил папа. — И где же эта школа? Почему о ней никто не знает?

— О ней знают те, кому нужно, — сказал Вейл. — Магическое сообщество не афиширует своё существование. Так было всегда. Так безопаснее для всех.

— Безопаснее? — мама встала. — Вы говорите, что мой сын в опасности, что он может сойти с ума, и предлагаете отправить его неизвестно куда, к незнакомым людям, которые называют нас «глухими»? И это должно меня успокоить?

Вейл не отвёл взгляд.

— Нет, — сказал он. — Это не должно вас успокоить. Вы мать. Вы должны бояться и сомневаться. Но я скажу вам правду: если Элио останется здесь, необученный, с пробуждённым Проводником, он не просто будет слышать шёпот.

Он начнёт притягивать внимание. Изнанка — не пустое место. Там обитают сущности. Некоторые из них охотятся на таких, как ваш сын. Необученный маг — как незажжённый факел в тёмном лесу. Он привлекает хищников.

— Каких хищников? — спросил папа.

Вейл посмотрел на него — долгим, тяжёлым взглядом. Элио показалось, что в серых глазах мелькнула тень. Не фигура речи — настоящая тень, которая на секунду заслонила зрачки.

— Я не буду описывать их в присутствии ребёнка, — сказал Вейл, кивнув на Тали. — Просто поверьте: вы не хотите, чтобы они пришли в ваш дом.

Тали, которая до этого молчала, вдруг спросила:

— А они страшные?

Вейл посмотрел на неё. Что-то в его лице смягчилось.

— Да, — сказал он. — Но тебе не нужно их бояться. Ты не маг. Они приходят только к тем, кто их слышит.

— А Элио слышит?

— Элио слышит пока только шёпот. Это как... как радио. Ты когда-нибудь крутила ручку радио и слышала обрывки станций?

Тали кивнула.

— Шёпот — это обрывки. Но если Элио не научится настраивать радио, он может включить громкость на полную. И тогда услышит то, что слышать не должен.

Тали нахмурилась. Она не всё поняла, но главное уловила: брату нужна помощь.

— Тогда пусть едет, — сказала она. — Чтобы не включать громкость.

Элио посмотрел на сестру. Ей было десять. Она верила в драконов-библиотекарей и строила замки из кубиков. И она только что сказала то, чего никто из взрослых не решался произнести.

— Тали права, — сказал Элио. — Я хочу ехать.

Мама резко повернулась к нему.

— Элио...

— Мам, я слышу голоса, — сказал он. — Я знаю, где потерянные собаки, и я знаю, что чашка упадёт за секунду до того, как она падает. Я не знаю, что со мной происходит. Но этот человек знает. И он говорит, что есть школа. Я хочу по-

нять. Я хочу научиться.

— Мы даже не знаем, существует ли эта школа, — сказал папа. — Мы видим только его. Одного человека в старом пальто. Он мог придумать всё что угодно.

— Я не придумал, — сказал Вейл.

Он достал из внутреннего кармана пальто конверт.

Конверт был из плотной бумаги, тёмно-синей, с серебряной печатью. На печати был изображён перекрёсток — четыре дороги, сходящиеся в центре, и в центре — глаз. Открытый глаз, без века, смотрящий прямо на Элио. Печать слабо светилась.

Вейл положил конверт на журнальный столик.

— Это официальное приглашение, — сказал он. — Академия Перекрёстков ждёт Элио Уиллоу через три дня. Если он согласится, я провожу его. Если нет... — он помолчал. — Если нет, я уйду. Но я вернусь, когда шёпот станет громче. И в следующий раз я приду не один. Со мной будут санитары из магической больницы. Потому что необученный Проводник-Пустота, потерявший контроль, — это не пациент. Это бомба.

— Вы угрожаете моему сыну? — папа шагнул вперёд.

— Я предупреждаю вас, — сказал Вейл. — Это не угроза. Это факт. Я видел, что бывает с магами, которые не прошли обучение. Некоторые сошли с ума. Некоторые умерли.

Некоторые стали чем-то худшим, чем смерть. Я не хочу этого для вашего сына.

Он встал. Стул под ним скрипнул.

— У вас есть три дня. Конверт активируется прикосновением руки Элио. Если он коснётся печати, он увидит Академию. Это не заклинание подчинения, не ловушка — просто демонстрация. Когда будете готовы, позовите меня. Я остановился в отеле «Гранд» на Мейн-стрит. Спросите Сайласа Вейла.

Он кивнул маме, кивнул папе, чуть улыбнулся Тали и направился к выходу. У двери он обернулся.

— Элио, — сказал он. — Шёпот, который ты слышишь, — это не проклятие. Это дар. Просто очень громкий дар. В Академии ты научишься делать его тише.

И вышел. Дверь закрылась. В гостиной остались четверо Уиллоу и конверт на журнальном столике.

Вечером они сидели на кухне. Конверт лежал в центре стола, и глаз на печати, казалось, следил за каждым. Тали давно спала — мама уложила её в восемь, хотя та сопротивлялась и требовала, чтобы её взяли на «взрослый разговор». Папа сидел, обхватив кружку с остывшим кофе. Мама сиде-

ла напротив, и её пальцы теребили край скатерти.

Элио смотрел на конверт и думал. Он думал о шёпоте в голове. О собаке, которую он нашёл. О словах Вейла: «необученный маг — как незажжённый факел в тёмном лесу». О том, что где-то есть школа, где учат магии. О том, что он не один такой.

— Я не хочу, чтобы он ехал, — сказала мама. — Я не хочу. Это звучит опасно. Ты слышал, что он сказал про сущностей? Про хищников? Про больницу?

— Я слышал, — сказал папа.

— И что?

Папа долго молчал. Потом взял конверт, повертел в руках и аккуратно сломал печать. Серебряный глаз треснул, и из конверта выпал лист бумаги — плотный, кремовый, с гербом Академии вверху. Папа развернул его и прочитал вслух:

«Академия Перекрёстков имеет честь пригласить Элио Уиллоу для прохождения обучения. Срок обучения — пять лет. По окончании выпускник получает квалификацию Смотрителя, Мастера Отражений, Плетельщика Слов или Алхимика Состояний в зависимости от выбранного Крыла.

Предметы первого года обучения: Защитные Искусства, История Магии, Основы Алхимии Состояний, Введение в Ремесло Отражений, Начала Плетения Слов, Теория Договора, Практические занятия в Изнанке.

Проживание, питание и учебные материалы предоставляются Академией. Каникулы — дважды в год, летние и зимние. Студентам разрешена переписка с семьёй.

Адрес: Перекрёсток, восточное крыло, Атриум Перехода. Координаты вложены в печать. Для активации коснитесь печати Проводником.

С уважением, Совет Магов».

— «Практические занятия в Изнанке», — повторила мама. — В том самом месте, где живут хищники. Прекрасно.

— Там есть каникулы, — сказал папа. — И переписка.

— Ты серьёзно? Ты готов отпустить его?

Папа отложил письмо и посмотрел на маму.

— Я не готов, — сказал он. — Но послушай. Элио слышит голоса. Он нашёл собаку, которую не видел. Он знает, что чашка упадёт. Это не выдумка и не фантазия. Это происходит. И этот человек, Вейл, — он знал про вилки в ящике. Он знал про фантик Тали. Он не мошенник. Он... кто-то другой.

— Но школа, — сказала мама. — Мы даже не знаем, где она. «Перекрёсток, восточное крыло, Атриум Перехода» — это не адрес. Это бред.

— Вейл сказал, что конверт активируется прикосновением, — сказал Элио. — Я могу попробовать.

— Нет! — мама схватила его за руку. — Мы не знаем, что

это. Может быть, ловушка. Может быть, заклинание. Может быть...

— Мам, — сказал Элио. — Если бы он хотел меня похитить, он бы не стучал в дверь.

Мама замолчала. Её пальцы, сжимавшие его руку, дрожали.

— Дай ему попробовать, — сказал папа. — Мы будем рядом. Если что-то пойдёт не так — мы здесь.

Мама медленно разжала пальцы. Элио посмотрел на конверт. Серебряный глаз на сломанной печати всё ещё слабо светился. Он чувствовал тепло, исходящее от бумаги, — слабое, как дыхание. Он поднял руку и прижал палец к глазу.

Мир исчез.

Он стоял на перекрёстке. Четыре дороги уходили в разные стороны и терялись в тумане. Брусчатка под ногами была стёртой, древней — по ней ходили тысячи ног в течение сотен лет. Небо было низким, белёсым, без солнца, но светящимся изнутри, как матовый плафон. Воздух пах озоном, старой бумагой и чем-то ещё — сладковатым, как жжёный сахар.

На перекрёстке стоял фонарь. Один. Железный, кованый,

с мутным стеклянным шаром, внутри которого дрожал огонёк. Не электрический — живой. Он мерцал, как сердцебиение.

Элио оглянулся. Дороги были пусты. Он был один.

Но он чувствовал, что за ним наблюдают. Не враждебно. Скорее оценивающе. Как будто перекрёсток решал, достоин ли он идти дальше.

Огонёк в фонаре мигнул. Тени на брусчатке шевельнулись, хотя никого вокруг не было. И тишина заговорила.

«Добро пожаловать, Элио Уиллоу».

Голос был одновременно ниоткуда и отовсюду. Он звучал не в ушах — в голове, в груди, в пальцах. Он был древним, спокойным и немного печальным, как эхо, которое слишком долго блуждало в пустых залах.

— Кто ты? — спросил Элио.

«Я — Перекрёсток. Я — то, что было до Разделения, и то, что останется после. Я — место, где сходятся все дороги. Ты стоишь на мне. Ты — часть меня. Ты — Пустота».

— Я не понимаю.

«Поймёшь. Ты только начинаешь. Твоя дорога длинна, и

на ней много развилок. Но ты не один. С тобой будут другие. Четверо. Вы станете Одним. И Один выберет путь».

— Какой путь?

«Путь, который определит судьбу всех миров».

Элио хотел спросить ещё что-то, но огонёк в фонаре вспыхнул ярче — и всё исчезло.

Он открыл глаза. Он снова сидел на кухне. Мама трясла его за плечи, папа стоял рядом с телефоном в руке, собираясь набирать скорую. Прошло меньше секунды.

— Я в порядке, — сказал Элио. — Я его видел.

— Кого? — спросила мама.

— Перекрёсток. Академию. Я видел дороги. Они ведут куда-то. Я не знаю куда, но... — он помолчал. — Я хочу туда.

Мама закрыла лицо руками. Папа отложил телефон и сел рядом.

— Ты уверен? — спросил он.

— Нет, — сказал Элио. — Но я хочу.

Папа долго смотрел на него. А потом кивнул — медленно, тяжело, как человек, который только что принял решение,

которого боялся всю жизнь.

— Тогда поезжай, — сказал он. — Но если что-то пойдёт не так — ты возвращаешься. Немедленно. Понял?

— Понял, — сказал Элио.

Мама отняла руки от лица. Глаза у неё были красные.

— Я соберу тебе вещи, — сказала она. — И напеку печенья. Имбирного. Ты его не любишь, но я всё равно напеку.

— Я его люблю, — сказал Элио.

— Ты всегда говорил, что не любишь.

— Я врал.

Мама всхлипнула, обняла его и долго не отпускала. Элио чувствовал, как её слёзы капают ему на макушку, и думал о том, что взрослые плачут точно так же, как дети, — просто стараются делать это тише.

Ночью Элио не спал. Он лежал в кровати, смотрел на аквариум (Кардинал мирно спал, зависнув в воде, как золотая тень) и думал. Завтра воскресенье. Послезавтра понедельник. А во вторник — Академия. Перекрёсток. Четыре дороги.

Тали тихо постучала в дверь и вошла, не дожидаясь ответа. Она была в пижаме с единорогами и держала в руках плюшевого кролика.

— Это Капитан, — сказала она, протягивая игрушку. — Он будет тебя охранять.

— Тали, это твой любимый кролик.

— Поэтому он и будет охранять. Он храбрый.

Элио взял кролика. У того были длинные уши, стеклянные глаза и потёртый бок — Тали таскала его с собой повсюду с трёх лет.

— Спасибо, — сказал он.

— И ещё, — Тали достала из кармана пижамы браслет из бисера. Буквы на нём были кривыми, но читаемыми: «Вернись». — Я сплела. Два дня плела. Буквы — это самое трудное.

Элио надел браслет на запястье. Тали забралась к нему на кровать и прижалась к боку.

— Ты ведь вернёшься? — спросила она.

— Конечно.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— А если там драконы?

— Если там драконы, — сказал Элио, — я попрошу у них автограф для тебя.

Тали хихикнула. Через пять минут она уже спала, свернувшись калачиком. Элио лежал, смотрел в потолок и слушал дождь за окном. Шёпот вернулся, но теперь он был не страшным — почти убаюкивающим. Как колыбельная. Как обещание.

«Ты на правильном пути. Мы ждём тебя. Добро пожаловать домой».

В понедельник Элио не пошёл в школу. Мама написала записку, что он заболел. Тревор Мейсон, наверное, радовался. Элио почти не думал о нём.

Весь день он собирал вещи. Мама пекла печенье. Папа принёс из гаража старый, промасленный ящик с инструментами и, покопавшись в нём, достал гаечный ключ.

— Дедов, — сказал он. — Он был механиком. Хорошим. Знаешь, что он говорил?

— Что?

— «Инструмент — это продолжение руки. А рука — продолжение головы. А голова должна знать, что делает». Не знаю, как там у вас с магией, но принцип, наверное, тот же. Не важно, чем ты там машешь. Важно, чтобы ты знал, что делаешь. И зачем.

Элио взял ключ. Он был холодным, тяжёлым и пах ма-

шинным маслом.

— Я не знаю, что я делаю, пап.

— Никто не знает, — сказал папа. — Но ты разберёшься.

Вечером они ужинали вчетвером. Мама приготовила его любимое — курицу в сливочном соусе с картофельным пюре. Ели молча. Тали дважды пыталась рассказать про новую книжку про драконов, но замолкала на полуслове. Элио смотрел на родителей, на сестру, на кухню, где прошло столько завтраков, обедов и ужинов, — и понимал, что видит всё это в последний раз. По крайней мере, на ближайшие месяцы. По крайней мере, до каникул.

После ужина он поднялся в комнату, положил в рюкзак вещи, которые приготовил: одежду, зубную щётку, комикс про космических пиратов (не то чтобы в школе магии было время на комиксы, но пусть будет), тетрадь по истории, где он записывал шёпот, плюшевого кролика по имени Капитан и гаечный ключ. Рюкзак получился тяжёлым и нелепым. Элио посмотрел на него и улыбнулся.

Он был готов. Или не готов. Но он ехал.

Утром во вторник, в семь тридцать, Сайлас Вейл ждал его у входа в отель «Гранд». Дождь наконец перестал. Небо было серым, но в разрывах облаков проглядывало солнце — бледное, ноябрьское, но всё-таки солнце.

Элио стоял на тротуаре с чемоданом в одной руке и рюк-

заком за плечами. Мама обнимала его так, будто он уходил на фронт. Папа стоял рядом, положив руку ему на плечо. Тали вцепилась в его ногу и не отпускала.

— Я буду писать, — сказал Элио. — Честно.
— Каждую неделю, — сказала мама.
— Каждую.
— И звонить, если можно.
— Если можно — обязательно.

Мама отпустила его. Папа пожал руку. Тали разжала пальцы и протянула ему конверт.

— Это открытки, — сказала она. — Я нарисовала по одной на каждый день до конца месяца. Ты открывай по одной в день, и будет как будто я рядом.

Элио взял конверт. В нём лежали двадцать три открытки.

— Спасибо, — сказал он.
— Вернись, — сказала Тали.
— Я вернусь.

Он повернулся и пошёл к Вейлу. Смотритель стоял у автобусной остановки — самой обычной, со стеклянным павильончиком, расписанием и приклеенной жвачкой на ска-

мейке.

— Мы едем на автобусе? — спросил Элио.

— Нет, — сказал Вейл. — Мы идём через автобусную остановку.

Он приложил ладонь к стеклу. Стекло засветилось серебристым, пошло рябью, как вода. Вейл шагнул в него и исчез.

Элио оглянулся на семью. Мама махала рукой. Папа кивнул. Тали держала в руках альбом — тот самый, с драконом.

Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и шагнул в стекло.

Мир схлопнулся и развернулся заново.

Глава 3. Дорога без карты

Мир схлопнулся и развернулся заново.

Элио стоял на брусчатке. Той самой — стёртой, древней, знакомой по видению. Вокруг клубился туман, но не сплошной — он стелился на уровне пояса, оставляя пространство над головой чистым. Справа и слева уходили вдаль стены — не стены даже, а смутные силуэты зданий, проступающие сквозь туман, как полустёртые рисунки. Над головой было небо — низкое, без солнца, но светящееся ровным белёсым светом, как матовый плафон в операционной.

Пахло озоном, сырой землёй и ещё чем-то — сладковатым, как жжёный сахар. Этот запах Элио запомнил с видения. Казалось, он пропитал всё вокруг — воздух, одежду, кожу. Где-то далеко, на границе слышимости, звенела тишина. Не звон даже — ощущение, что кто-то только что произнёс твоё имя, но ты не успел расслышать.

— Добро пожаловать в Изнанку, — сказал Сайлас Вейл.

Он стоял в двух шагах впереди, засунув руки в карманы серого пальто. Выглядел он так, будто перешагнуть через стекло автобусной остановки в другое измерение было для него не более удивительным, чем перейти улицу.

— Точнее, в её преддверие, — добавил он. — Нейтральная зона. Здесь относительно безопасно. Относительно — ключевое слово.

Элио оглянулся. Позади, в воздухе, висело марево — то самое место, откуда они вышли. Оно колебалось, как горячий воздух над асфальтом, и сквозь него смутно просвечивала автобусная остановка. Родной, привычный мир был в двух шагах — и в то же время бесконечно далеко.

— Я могу вернуться? — спросил Элио.

— Можешь, — сказал Вейл. — Проход открыт, пока я его держу. Но если ты вернёшься сейчас, через месяц шёпот станет громче. Через полгода ты начнёшь слышать голоса. Через год...

— Я понял, — перебил Элио. — Я не вернусь. Просто спросил.

Вейл кивнул — коротко, удовлетворённо.

— Тогда идём. Нам около получаса через нейтральную зону. Я проведу тебя, но ты должен запомнить правила. Их три.

Элио машинально потянулся к рюкзаку, где лежала тетрадь по истории, — он привык записывать важное. Но Вейл

покачал головой.

— Записывать не нужно. Запомнишь. Первое правило: не сходи с брусчатки. Ты видишь брусчатку?

Элио посмотрел под ноги. Брусчатка была старой, неровной, с проросшим между камнями мхом — серебристым, чуть светящимся. Она убегала вперёд, петляя между туманных стен, и терялась в дымке.

— Вижу.

— Не сходи с неё. Ни при каких обстоятельствах. Даже если увидишь что-то интересное. Даже если услышишь, как кто-то зовёт тебя по имени. Даже если тебе покажется, что на брусчатке опасно, а рядом — безопасно. Это ложь. Брусчатка — единственное, что держит форму в нейтральной зоне. Всё остальное — зыбь.

— Зыбь?

— Пространство, которое ещё не решило, чем хочет быть. Сегодня это стена. Завтра — яма. Через час — чей-то кошмар, оживший и голодный. Брусчатка стабильна. Она проложена Архитектором тысячу лет назад и с тех пор не менялась. Держись её — и дойдёшь. Сойди — и я не гарантирую, что смогу тебя найти.

Элио сглотнул.

— Понял. Второе правило?

— Ничего не трогай. Что бы ты ни увидел — не трогай. Многие вещи в Изнанке выглядят как предметы, но на самом деле это сущности. Они притворяются. Иногда очень убедительно. Сувенир, который ты захочешь взять на память, может оказаться чьим-то глазом. Или чьим-то голодом.

— А третье?

Вейл помолчал. Потом повернулся к Элио и посмотрел ему прямо в глаза. В серых зрачках снова мелькнула тень — та самая, которую Элио заметил ещё дома.

— Третье правило: если я скажу «замри» — ты замираешь. Не спрашиваешь почему. Не оглядываешься. Не дышишь. Просто замираешь и ждёшь, пока я не скажу «можно». Это понятно?

— Понятно.

— Хорошо. Тогда идём.

И они пошли. Брусчатка была неровной, и идти по ней приходилось осторожно. Элио смотрел под ноги, стараясь не оступиться, но краем глаза всё равно замечал, что творилось вокруг. А творилось многое.

Сначала они миновали дерево, которое росло вниз кро-

ной. Огромное, с толстым стволом и мощными ветвями, оно уходило корнями в небо — или в то, что здесь заменяло небо. Корни извивались в белёсом свечении, как змеи, и с них капало что-то серебристое. Элио хотел остановиться и рассмотреть, но Вейл шёл вперёд, не замедляясь, и Элио пришлось нагнать его почти бегом.

Потом они прошли мимо фонтана. Фонтан был каменным, с чашей в виде раскрытой ладони, и бил он не водой, а светом. Свет лился через край, стекал на брусчатку и растекался лужицами, которые тут же испарялись, оставляя после себя запах озона. У фонтана сидела женщина в белом платье, склонив голову. Элио не видел её лица, но чувствовал, что она плачет. Её плечи вздрагивали. Ему захотелось подойти, спросить, что случилось, — но Вейл даже не посмотрел в её сторону.

— Не трогай, — сказал он, не оборачиваясь. — Это Плакальщица. Она сидит здесь двести лет. Если подойдёшь — будешь сидеть рядом с ней ещё столько же.

Элио ускорил шаг. Дальше была лестница. Она начиналась прямо посреди брусчатки — ступени уходили вверх и вниз одновременно, в зависимости от того, с какой стороны на неё смотреть. Элио посмотрел слева — лестница вела наверх, к какой-то арке в тумане. Посмотрел справа — та же лестница уходила вниз, в темноту, откуда тянуло холодом.

— Не смотри на неё слишком долго, — сказал Вейл. — Лестницы Изнанки — это не пути. Это идеи путей. Если будешь смотреть, она может решить, что ты хочешь по ней пойти. И тогда она тебя поведёт.

— Куда?

— Не знаю. Никто не возвращался, чтобы рассказать.

Элио отвёл взгляд и больше не смотрел. Они шли, и туман вокруг них то сгущался, то расступался. Временами Элио казалось, что он видит в тумане лица — незнакомые, размытые, с пустыми глазами. Они появлялись на секунду и исчезали, как отражения в запотевшем зеркале. Один раз он явственно услышал своё имя — его произнёс женский голос, тихий и ласковый, похожий на мамин. Элио вздрогнул и чуть не сошёл с брусчатки. Вейл схватил его за плечо.

— Это не она, — сказал он. — Это Шептун. Мелкая сущность, питается тоской по дому. Игнорируй.

— Легко сказать, — пробормотал Элио.

— Легко сделать, — ответил Вейл. — Просто помни: твоя мама сейчас дома. Она жива, здорова и печёт имбирное печенье. А это — просто голос в тумане, который хочет, чтобы ты сошёл с тропы.

Элио глубоко вдохнул, выдохнул и пошёл дальше. Голос

повторил его имя ещё раз, потом ещё — и затих, обиженно или разочарованно.

Через некоторое время брусчатка вывела их на небольшую площадь. Посередине стояли часы — огромные, вокзальные, с римскими цифрами на циферблате. Они шли против часовой стрелки. Секундная стрелка дёргалась, отсчитывая время назад, и с каждым её движением в воздухе раздавался тихий щелчок.

— Это Часы Ожидания, — сказал Вейл. — Здесь можно передохнуть. Площадь стабильна.

Элио с облегчением опустил чемодан на брусчатку. Рука затекла. Он потёр запястье и огляделся. Площадь была круглой, вымощенной тем же камнем, что и тропа. Вокруг стояли пустые скамейки — чугунные, с витыми ножками. На одной лежала забытая книга. На другой — пара перчаток. Вейл заметил его взгляд.

— Не трогай, — напомнил он.
— Я помню.

Элио сел на скамейку и перевёл дух. Часы щёлкали. Секундная стрелка ползла влево. Минутная — вправо. Часовая стояла на месте.

— Почему они идут назад? — спросил Элио.

— Потому что в Изнанке время — это не линия. Это поле. Оно течёт в разные стороны, иногда зацикливается, иногда останавливается. Часы это чувствуют и показывают. Сейчас время идёт вспять — значит, где-то поблизости есть воспоминание, которое отказывается умирать.

— Чьё?

— Не знаю. Может быть, твоё. Может быть, моё. Может быть, того, кто оставил эту книгу сто лет назад.

Элио посмотрел на книгу. Потёртая обложка, выцветшие буквы. Названия не разобрать. Ему снова захотелось подойти и взять её — просто чтобы узнать, о чём она. Но он вспомнил правило и остался сидеть.

— Мистер Вейл, — сказал он. — Можно вопрос?

— Можно. Но не «мистер». Просто Вейл. Или Сайлас. Я не профессор и не лорд.

— Вейл. Вы сказали, что моя магия — это Проводник-Пустота. Что это значит? Почему у других Проводники — это способности, а у меня — пустота?

Вейл сел на скамейку напротив. Он достал из кармана пальто трубку — старую, пенковую, с вырезанной на чашечке совой, — но не закурил, просто повертел в пальцах.

— Проводник — это связь с Изнанкой, — сказал он. — У большинства магов эта связь имеет форму. У меня — чутьё на историю предметов. У моего коллеги — способность слышать ложь. У тебя — способность слышать вероятности.

— Но почему это называется Пустотой?

— Потому что вероятность — это то, чего ещё нет. Это пространство, где ничего не решено. Где всё возможно, но ничто не предопределено. Твой Проводник — это не способность что-то делать. Это способность видеть все варианты того, что можно сделать. Это дар и проклятие одновременно.

— Почему проклятие?

Вейл повертел трубку.

— Потому что видеть все варианты — значит не иметь покоя. Ты будешь знать, что могло бы быть. Ты будешь видеть смерть за секунду до того, как она могла бы случиться. Ты будешь слышать слова, которые никогда не будут сказаны. Это тяжело. Некоторые Пустоты сходили с ума. Некоторые замыкались в себе и переставали говорить. Некоторые... — он помолчал. — Некоторые становились очень могущественными. Но счастливыми — никогда.

Элио почувствовал, как холодок пробежал по спине. Не от страха — от одиночества. Он всегда чувствовал себя немного чужим в Колвиче, немного не на своём месте. Теперь он

знал почему.

— А Архитектор? — спросил он. — Тот, кто создал Перекрёсток. У него тоже была Пустота?

Вейл поднял глаза. Впервые за всё время он посмотрел на Элио с искренним удивлением.

— Откуда ты знаешь про Архитектора?

— Вы упомянули его. Сказали, что брусчатку проложил Архитектор тысячу лет назад.

— Я сказал — и ты запомнил, — Вейл покачал головой. — А говорил, что не готов к школе магии. У тебя чутьё на важное, Уиллоу. Это хороший знак. И да — говорят, у Архитектора был Проводник-Пустота. Поэтому он смог создать Перекрёсток. Он видел все варианты реальности и выбрал тот, в котором миры разделены.

— А почему он их разделил?

— Потому что до Разделения магия текла свободно. Она была повсюду — в воздухе, в воде, в людях. И она сводила людей с ума. Не всех, но многих. Те, кто не мог контролировать магию, становились её жертвами. Те, кто мог, — тиранами. Мир был полон чудес, но чудеса убивали. Архитектор решил, что человечество не готово к магии. Он создал Разделение — расслоил реальность на Лицевую сторону и Изнанку. Магия ушла сюда, а люди остались там. С тех пор маги

рождаются редко. И их учат контролировать Проводников, чтобы они не стали опасны.

— Значит, Архитектор спас человечество.

— Спас, — согласился Вейл. — Но вопрос в том, навсегда ли.

— Что вы имеете в виду?

Вейл встал. Он убрал трубку в карман и поправил воротник пальто.

— Разделение не вечно, — сказал он. — Это как плотина. Она держит воду, но давление растёт. Рано или поздно плотина рухнет. Когда это случится, миры снова сольются. Это называется Великое Схлопывание. И когда оно произойдёт — никто не знает, выживет ли кто-нибудь.

— И когда это случится?

— Этого никто не знает. Может быть, через сто лет. Может быть, через десять. Может быть, — Вейл посмотрел на часы, стрелка которых дёрнулась и замерла, — завтра.

Элио замолчал. Он смотрел на часы, которые шли назад, и думал о том, что мир, в котором он жил всю жизнь, — обычный, понятный, предсказуемый мир — держится на плотине, которая может рухнуть в любой момент. И он, Элио Уиллоу из Колвича, слышит шёпот этой плотины. Чувствует её дрожь.

— Идём, — сказал Вейл. — Нам осталось немного.

Они продолжили путь. Брусчатка становилась шире, ровнее. Туман редел. Впереди, на горизонте, начало проявляться что-то огромное.

Сначала Элио подумал, что это гора. Но гора не могла быть такой правильной — с башнями, шпилями и арками. Потом он подумал, что это город. Но город не мог парить в воздухе, хотя этот и не парил — он просто был. Огромный, невозможный, вросший в ткань реальности, как дерево врастает в землю.

— Академия Перекрёстков, — сказал Вейл. — Твой новый дом.

Элио остановился. Он смотрел и не мог отвести взгляд.

Академия была построена из всего. Из камня, дерева, стекла, металла и чего-то ещё — чего-то, что светилось изнутри. Архитектурные стили смешивались, как в лихорадочном сне. Викторианские эркеры переходили в готические шпили, мраморные колонны — в дубовые галереи, стеклянные купола — в черепичные крыши. Из одних окон лился золотой свет, другие были темны, и в них что-то двигалось — не люди, а тени людей. Над башнями кружили птицы — крупные, чёрные, с размахом крыльев больше человеческо-

го роста.

Но самое странное было не в архитектуре. Самое странное было в том, что Академия одновременно находилась везде и нигде. Она не стояла на земле — она вырастала из тумана, как мираж. Она не имела чётких границ — её стены уходили в дымку и там терялись, и невозможно было сказать, где заканчивается Академия и начинается Изнанка.

— Она... живая? — спросил Элио.

— В некотором смысле, — сказал Вейл. — Перекрёсток — это не просто место. Это точка равновесия между мирами. Она дышит. Она меняется. Она помнит всех, кто здесь жил. Иногда она даже помогает. Иногда — мешает. С ней нужно быть вежливым.

— Вежливым со зданием?

— Вежливым с Перекрёстком. Здание — это просто форма. Суть — в равновесии. Ты стоишь на границе двух миров. Здесь магия и реальность встречаются. Здесь возможно то, что невозможно ни там, ни там. И здесь тебя научат ходить по этой границе.

Они подошли ближе. Теперь Элио видел ворота — огромные, кованые, в три человеческих роста. Они стояли прямо посреди брусчатой площади, не прислонённые ни к какой стене. За ними клубился туман, подсвеченный золотым. На воротах был тот же символ, что на письме: перекрёсток че-

тырёх дорог и глаз в центре.

— Это главный вход, — сказал Вейл. — Атриум Перехода. Когда ты войдёшь, Академия тебя запомнит. Твой Компас, твоё лицо, твой Проводник — всё будет занесено в Книгу Перекрёстка.

— Книгу?

— Артефакт, созданный Архитектором. Она записывает каждого, кто входит в Академию. Говорят, она живая. Говорят, она помнит всех за тысячу лет. Говорят, она иногда ошибается. Но редко.

Вейл подошёл к воротам и приложил ладонь к глазу в центре. Железо загудело. Створки дрогнули и начали расходиться — медленно, торжественно, без единого скрипа. За ними открылся коридор из золотого света. Оттуда пахнуло теплом, деревом и чем-то ещё — книжной пылью, наверное, или воском, или временем.

— Дальше ты идёшь один, — сказал Вейл.

Элио почувствовал, как сжался желудок.

— Один?

— Первый вход — это личное. Академия должна увидеть тебя без посредников. Она примет тебя или нет. Я не могу

повлиять на это.

— А если она не примет?

Вейл помолчал.

— Такое случается редко. Очень редко. Но если Академия тебя отвергнет, ворота не откроются. Ты останешься здесь, и я отведу тебя обратно. Ты вернёшься домой и будешь жить как жил. Только шёпот станет громче, и однажды...

— Я понял, — сказал Элио. — Не надо продолжать.

Он поправил рюкзак, взял чемодан и шагнул к воротам. Ноги дрожали. Сердце колотилось. Но где-то глубоко внутри, под слоями страха и неуверенности, пульсировало что-то ещё. То самое, что заставило его коснуться печати на конверте. То самое, что заставило его шагнуть в стекло автобусной остановки. То самое, что шептало ему: «Ты на правильном пути».

Он вошёл в золотой свет.

Глава 4. Атриум Перехода

Атриум был огромен. Это было первое, что понял Элио, когда его глаза привыкли к свету. Второе — что Атриум был невозможен.

Потолок терялся в вышине. Он был одновременно близко и далеко, и глаз не мог сфокусироваться на нём. Стеклянный купол над головой показывал небо, но это было не то небо, которое Элио видел снаружи. Звёзды были незнакомыми, созвездия — чужими. Одна звезда, ярче остальных, пульсировала, как сердце, и от неё исходило тепло.

Стены Атриума были круглыми и уходили вверх ярусами галерей, балконов и переходов. От центра, где стоял Элио, расходились десятки арок — высоких, украшенных резьбой. За каждой аркой виднелся коридор, и каждый коридор был освещён по-своему. Где-то горели факелы, где-то — свечи, где-то — холодный магический свет, похожий на люминесцентные лампы, но мягче. Одна арка вела в темноту, и в этой темноте что-то двигалось — медленно, ритмично, как дыхание спящего зверя.

Пол под ногами был выложен чёрной и белой плиткой в шахматном порядке. Плитка была тёплой — Элио чувствовал тепло даже сквозь подошву ботинок. Она пульсировала в такт звезде под куполом, и от этого казалось, что Атриум

живой. Что он дышит.

В центре Атриума возвышались часы. Это были не просто часы — это была башня высотой метра три, собранная из медных шестерёнок, пружин и маятников. Огромный циферблат был обращён к входящему, и на нём вместо цифр были слова: «Стабильно», «Зыбко», «Тревога», «Крах». Единственная стрелка дрожала на границе между «Стабильно» и «Зыбко». Элио заметил, что она чуть-чуть сдвинута к «Зыбко» — совсем чуть-чуть, на волосок.

Вокруг часов стояли люди. Их было около тридцати — подростки примерно одного с Элио возраста, с чемоданами, рюкзаками и саквояжами. Они стояли группами и поодиночке, и по их лицам было видно: одни волнуются, другие скучают, третьи пытаются не показывать, что им страшно. Родители жались у дальней стены — мужчины и женщины в дорогой одежде, некоторые в мантиях, некоторые в обычных костюмах, — и провожали детей взглядами.

Элио оглядел толпу. Его внимание привлекли несколько человек.

Девочка с огненно-рыжими волосами, собранными в небрежный пучок, из которого торчала вязальная спица. Она была невысокой, ладной, с круглым веснушчатым лицом и огромными карими глазами, которые сейчас горели восторгом. Она что-то увлечённо рассказывала стоявшей рядом темноволосой девушке, активно жестикулируя. Девушка слушала молча, опустив голову. У неё были короткие, неров-

но остриженные волосы, бледная кожа и тёмные глаза, которые смотрели в пол. Она стояла чуть поодаль, в тени арки, и казалась меньше, чем была на самом деле, — как будто пыталась занимать как можно меньше места.

Чуть в стороне от толпы стоял высокий парень с иссиня-чёрными волосами, зачёсанными назад. У него была идеальная осанка, дорогая форма (Элио заметил, что ткань отличается от той, что носили остальные) и булавка с крошечным зеркальцем на лацкане. Он стоял один, скрестив руки на груди, и смотрел на часы с выражением лёгкой скуки, как человек, который видел всё это сто раз и не ждёт ничего нового.

Элио перехватил его взгляд. Парень чуть приподнял бровь — не то приветствие, не то оценка, — и отвёл глаза.

— Новобранцы, — раздался голос за спиной. — Каждый год одно и то же.

Элио обернулся. Рядом стоял парень лет семнадцати, в тёмно-синей форме с серебряным кантом. У него были светлые, торчащие во все стороны волосы, открытое, дружелюбное лицо и озорная улыбка. От него пахло мятой и кофе.

— Я Джаспер Холт, — сказал он, протягивая руку. — Но все зовут меня Джаз. Третий курс, Крыло Состояний. Ты новенький?

— Элио Уиллоу, — сказал Элио, пожимая руку. — И да, новенький.

— Приехал один? Без семьи?

— Моя семья — Глухие, — сказал Элио.

Джаз присвистнул. Получилось мелодично.

— Ничего себе. Давно у нас не было Глухих. Последний был... дай вспомнить... лет десять назад? Или двадцать? Короче, давно. Ну, держись. Будет интересно.

— Ты уже говорил.

— Потому что это правда. — Джаз хлопнул его по плечу. — Если что — обращайся. Я в Крыле Состояний, это западная арка. Там всегда есть печенье.

Он уже собирался уйти, но задержался.

— Слушай, — сказал он, понизив голос. — Ты не бери в голову насчёт Глухих. Здесь это не важно. Важно только то, какой у тебя Проводник. Всё остальное — шелуха.

— А если Проводник — Пустота? — спросил Элио.

Джаз замер. Его улыбка на секунду погасла, но тут же вернулась — правда, теперь в ней было больше любопытства, чем беззаботности.

— Пустота? — переспросил он. — Ты серьёзно?
— Серьёзно.

Джаз посмотрел на него долгим взглядом. Потом снова хлопнул по плечу — на этот раз мягче.

— Тогда тебе точно понадобится печенье, — сказал он. — Много печенья. Заходи.

И исчез в толпе. Элио остался стоять у входа, переваривая разговор. Значит, Пустота — это не просто редкость. Это что-то, о чём знают все. Что-то, что вызывает реакцию.

Он снова посмотрел на часы. Стрелка дрогнула и чуть-чуть сдвинулась к «Зыбко». Элио показалось, что это из-за него.

Гул голосов стих внезапно, как по команде. Элио обернулся и увидел, что в центре Атриума, прямо перед часами, появился человек. Он вышел из арки, которую Элио не заметил раньше, — узкой, тёмной, без светящихся указателей.

Человек был высок и худ. Чёрная мантия с серебряной оторочкой висела на нём как на вешалке. Лицо — узкое, с резкими морщинами, идущими от носа к уголкам рта. Волосы угольно-чёрные, зачёсанные назад, с двумя серебряными прядями на висках — идеально ровными, как нарисованными. Но глаза были самым заметным. Бледно-янтарные, почти жёлтые, с вертикальным зрачком. Кошачьим. Или змеи-

ным.

Элио моргнул. Ему показалось, или зрачки действительно были вертикальными?

— Добро пожаловать, — сказал человек, и голос его разнёсся по Атриуму без всякого усилия. Он был плавным, глубоким, с лёгкой хрипотцой, как у диктора на ночном радио. — Меня зовут советник Эбен Грейвз. Я представляю Совет Магов и приветствую вас от его имени.

Он обвёл толпу взглядом. Его жёлтые глаза скользили по лицам, и Элио показалось, что на нём взгляд задержался чуть дольше, чем на других. На долю секунды. Но этого хватило, чтобы шёпот в голове проснулся. «Он знает. Он видит тебя. Будь осторожен».

Элио вздрогнул. Шёпот молчал с тех пор, как он вошёл в Атриум. Теперь он вернулся — и звучал тревожно.

— Сегодня вы вступаете в Академию Перекрёстков, — продолжал Грейвз. — Для многих из вас это семейная традиция. Ваши родители, деды и прадеды стояли на этом самом месте и слушали эти самые слова. Для кого-то это неожиданность. Дар, проснувшийся в семье Глухих. Редкость — но не аномалия. Академия принимает всех.

Он чуть улыбнулся. Улыбка была тёплой. Глаза остались

холодными.

— Сейчас вы пройдёте Церемонию Инициации. Ваши Проводники будут пробуждены — те, у кого они ещё не пробудились, — и каждому из вас будет указано Крыло. Помните: Крыло не выбирают. Крыло выбирает вас. Сопротивляться бессмысленно. Бояться — нормально.

Он сделал паузу. Элио заметил, что многие в толпе переглядываются. Девушка с рыжими волосами сжала руку темноволосой. Высокий парень с зеркальной булавкой смотрел прямо перед собой, но его пальцы, скрещенные на груди, напряглись.

— Да начнётся Инициация, — произнёс Грейвз и отступил в сторону.

Из разных арок вышли четыре фигуры.

Первым шёл мужчина в серебристой мантии. Он был широкоплечим, с грубым, обветренным лицом и шрамом через левую щёку. Его левая рука была протезом из живого дерева — пальцы шевелились, как настоящие. Он двигался как солдат: чётко, скупо, без лишних движений. Элио сразу понял, что этот человек видел битвы. Настоящие битвы, не учебные.

Второй была женщина в тёмно-зелёной мантии. Высокая, худая, с платиновыми волосами, уложенными в строгий пу-

чок. Её глаза были стального цвета, и она смотрела на мир с лёгким прищуром, как будто всё вокруг было немного не в фокусе. Элио заметил, что её отражение в мраморном полу выглядит иначе — отражение было одето в синее, а не в зелёное.

Третьей была миниатюрная женщина с короткой стрижкой и тёплыми карими глазами. Она была в переднике с бесчисленными карманами, из которых торчали пробирки и пучки трав. От неё пахло зелёным чаем и мятой. Она улыбалась — единственная из четырёх, кто улыбался искренне, а не по протоколу.

Четвёртый был в тёмно-фиолетовой мантии. Высокий, с длинными пальцами и мягкой, почти печальной улыбкой. Его тень на полу была длиннее, чем нужно, и Элио показалось, что она шевелится не в такт движениям хозяина. Четыре декана. Четыре Крыла.

Мужчина с деревянной рукой вышел вперёд.

— Меня зовут профессор Атлас Корвус, — произнёс он резким, отрывистым голосом. — Я декан Защитных Искусств и буду вести Церемонию. Слушайте внимательно, потому что повторять я не буду.

Он обвёл толпу взглядом. Его глаза — серые, холодные — задержались на Элио.

— Сейчас каждый из вас по очереди подойдёт к Часам Перехода. Вы коснётесь циферблата правой рукой. Часы пробудят ваш Проводник — или подтвердят его, если он уже пробуждён, — и определят Крыло. Это не больно. Обычно.

— Обычно? — переспросил кто-то из толпы.

— Бывают исключения, — сказал Корвус. — Не бойтесь. Слушайте, что говорят Часы, и не сопротивляйтесь. Чем сильнее вы сопротивляетесь, тем больнее будет.

Он поднял деревянную руку. Пальцы сжались в кулак.

— Начинаем. Первый — Томас Эшфорд.

Парень с квадратным лицом и упрямым подбородком вышел из толпы. Он шагал уверенно, но Элио видел, как дрожат его руки. Томас подошёл к Часам, поднял правую руку и прижал ладонь к циферблату.

Часы загудели. Низкий, вибрирующий звук разнёсся по Атриуму. Стрелка дрогнула и поползла к «Тревоге». Томас побледнел, но руку не отдёрнул. Через несколько секунд гул стих, и циферблат вспыхнул фиолетовым.

— Крыло Договора, — объявил Корвус.

Томас выдохнул и отошёл, потирая ладонь. Следующим был кто-то ещё — Элио не запомнил имя. Циферблат вспых-

нул синим. Крыло Отражений. Потом горчичным — Состояния. Потом зелёным — Слово. Процедура повторялась раз за разом, и каждый раз Элио ждал, что Часы среагируют както иначе, но всё шло по шаблону.

Девочку с рыжими волосами вызвали одной из первых. Элио услышал её имя — Финнола О'Хара, но она тут же поправила Корвуса: «Финн, просто Финн». Она подошла к Часам, коснулась циферблата — и он немедленно вспыхнул тёплым горчичным светом. Финн просияла и, проходя мимо, шепнула темноволосой девушке: «У нас семейное». Та не ответила, но уголки её губ дрогнули.

Высокого парня с зеркальной булавкой звали Кассиан Морвен. Он подошёл к Часам с таким видом, будто делал это сотню раз — небрежно, почти лениво. Но когда его ладонь коснулась циферблата, часы не просто загудели — они зазвенели. Высокий, чистый звук, похожий на звон хрустального бокала, разнёсся по Атриуму. Стрелка метнулась к «Тревоге» и замерла там. Циферблат вспыхнул серебристо-синим — этот свет был ярче, чем у всех предыдущих. Кассиан отдёрнул руку. На его лице мелькнуло странное выражение — не гордость, а скорее удовлетворение, смешанное с усталостью.

— Крыло Отражений, — произнёс Корвус. — Сильный Проводник.

Кассиан отошёл, не глядя на деканов.

Темноволосую девушку с короткой стрижкой звали Лин. Просто Лин — она не назвала фамилии. Она шла к Часам медленно, как будто каждый шаг давался ей с усилием. Её руки были сжаты в кулаки. Кожа на костяшках побелела. Она коснулась циферблата кончиками пальцев — и часы замерли. Вообще. Стрелка остановилась. Гул стих. Тишина продлилась три секунды, четыре, пять — а потом циферблат вспыхнул зелёным. Но это был не просто зелёный — это был цвет весенней листвы, яркий до рези в глазах. Элио пришлось зажмуриться. Когда он открыл глаза, Лин всё ещё стояла у Часов. Её пальцы дрожали.

— Крыло Слова, — произнёс Корвус, и в его голосе Элио услышал удивление. — Очень сильный Проводник.

Лин вернулась на место. Финн тут же взяла её за руку. Лин не отдёрнула руку. Это был хороший знак. Потом вызвали Элио.

— Элио Уиллоу.

Его имя прозвучало громче, чем он ожидал. Или ему показалось — в Атриуме было тихо, и любое слово разносилось эхом. Элио почувствовал, как десятки глаз устремились на него. Чужая магия — это всегда любопытно. Магия Глухого

— вдвойне.

Он шагнул вперёд. Ноги были ватными. Сердце колотилось где-то в горле. Он подошёл к Часам — огромным, медным, пахнущим временем и механизмами, — и поднял правую руку. Ладонь коснулась циферблата.

Мир исчез.

Он снова стоял на перекрёстке. Но теперь это был не тот перекрёсток, что в видении. Теперь дорог было не четыре — их были тысячи. Они уходили во все стороны, переплетались, расходились и снова сливались, образуя бесконечную, невозможную сеть. И каждая дорога светилась своим цветом — синим, зелёным, горчичным, фиолетовым, и ещё десятками оттенков, которым Элио не знал названий. Дороги пульсировали, дышали, звали его — и замолкали, когда он смотрел на них.

Он стоял в центре, и все дороги были открыты ему. Но ни одна не звала громче другой. Он был всеми ими и никем. Он был пустотой, вокруг которой вращались вероятности.

— Ты — пауза между словами, — произнёс голос. Тот самый, из дождя. — Ты — тишина между нотами. Ты — отсутствие, которое делает присутствие возможным.

Элио повернулся. За его спиной стоял фонарь — тот са-

мый, кованый. Огонёк внутри дрожал, как сердцебиение.

— Кто ты? — спросил Элио.

— Я — Перекрёсток. Я — то, что было до Разделения, и то, что останется после. Я — место, где сходятся все дороги. Ты — тот, кто может идти по любой из них.

— Но я не знаю, по какой идти.

— Пока не знаешь. Ты только начинаешь. Твоя дорога длинна. С тобой будут другие. Четверо. Вы станете Одним. И Один выберет путь.

— Какой путь?

Огонёк в фонаре вспыхнул ярче.

— Путь, который определит судьбу всех миров.

Элио отдёрнул руку. Он снова стоял в Атриуме. Вокруг было тихо — такой тишины он ещё не слышал. Все смотрели на часы. Циферблат не горел ни одним цветом. Он был пустым. Белым, как чистый лист. Стрелка замерла ровно посередине между «Стабильно» и «Зыбко».

— Что это значит? — спросил кто-то.

Корвус молчал. Деканы переглянулись. Грейвз шагнул вперёд, и его жёлтые глаза сузились.

— Проводник-Пустота, — произнёс он. Голос его прозвучал тихо, но в мёртвой тишине Атриума его услышали все. — Такого не было сто лет.

По толпе пробежал шёпот. Элио стоял перед Часами, чувствуя, как горят щёки. Он не знал, хорошо это или плохо. Он вообще ничего не знал. Но шёпот в голове молчал, и это было страшнее всего.

Профессор Крофт — тот самый, в тёмно-фиолетовом, — сделал шаг вперёд.

— Редчайший случай, — сказал он, и его голос был мягким, почти ласковым. — Проводник-Пустота. Не привязанный ни к одному Крылу. Такое бывает раз в столетие.

— И что теперь? — спросил Элио.

— Теперь, — произнёс Крофт, и его улыбка стала чуть шире, — мы определим тебя в Крыло в ручном порядке.

Он обернулся к остальным деканам. Они посовещались — коротко, вполголоса. Элио разобрал только обрывки фраз: «...ближе всего к алхимии эмоций...», «...нестабилен...», «...посмотрим, как справится...».

Наконец Корвус кивнул.

— Ты пойдёшь в Крыло Состояний, — сказал он. — Пустота ближе всего к эмоциональной алхимии. Посмотрим, что из тебя выйдет.

Крофт чуть наклонил голову. Его тень на полу шевельнулась — Элио готов был поклясться, что она стала чуть длиннее.

— Я буду следить за твоими успехами с особым интересом, — сказал он. — У тебя редкий дар. Не разочаруй.

Элио отошёл от Часов. Ноги всё ещё дрожали. Финн тут же оказалась рядом — схватила за руку, потащила к их группе.

— Это было странно, — сказала она. — Но круто. Ты как чистый лист. Знаешь, моя бабушка говорит, что чистый лист — это самое сильное, что может быть, потому что на нём можно написать что угодно.

— Или ничего, — сказала Лин.

Элио и Финн посмотрели на неё. Лин смотрела в пол, но её голос прозвучал твёрдо.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Элио.

— Чистый лист — это не сила, — сказала Лин. — Это

возможность. Сила — это то, что ты напишешь.

Она подняла глаза — тёмные, почти чёрные, с крошечными золотыми искрами в глубине — и посмотрела на Элио. Это был первый раз, когда она посмотрела кому-то в глаза с начала Церемонии.

— Не разочаруй, — повторила она слова Крофта, но её тон был другим. Не угрожающим. Скорее — ободряющим.

Элио кивнул. Он не знал, что ответить. Но, кажется, ответа и не требовалось.

Церемония закончилась. Первокурсники расходились по Крыльям, подгоняемые старостами. Элио и Финн направились к западной арке, откуда пахло травами и дымом. Лин ушла в восточную, в Крыло Слова, и Элио проводил её взглядом. Кассиан исчез в серебристом коридоре Отражений, даже не оглянувшись.

Элио сделал шаг в сторону своего нового дома, когда чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся. За ним стоял профессор Крофт. Его тень на полу была чуть длиннее, чем нужно.

— Элио Уиллоу, — произнёс он. — Добро пожаловать в Академию. Если будут вопросы — обращайся. Дверь моего кабинета всегда открыта для одарённых студентов.

Он убрал руку и скрылся в фиолетовой арке, оставив после себя запах озона и странное, липкое чувство тревоги. Шёпот в голове Элио ожил. «Будь осторожен. Он что-то знает. Он что-то замышляет».

Элио сжал лямки рюкзака и пошёл за Финн в западную арку. Ему предстояло найти свою комнату, распаковать вещи и понять, как жить в мире, где дождь говорит, часы видят твою душу, а профессора смотрят на тебя так, будто ты — недостающая деталь в их планах.

Где-то далеко, за стенами Академии, в Изнанке начинался дождь. Капли стучали по брусчатке и складывались в слова, которые никто не слышал.

«Добро пожаловать домой, Элио Уиллоу. Добро пожаловать на Перекрёсток. Твой путь только начинается».

Глава 5. Крыло Состояний

Коридор за западной аркой пах травами и дымом.

Не табачным дымом — горьким и едким, — а дымом костра, уютным, чуть сладковатым, с нотками горящих сосновых иголок. К нему примешивались запахи лаванды, мяты, шалфея и ещё десятка трав, которые Элио не мог опознать. Воздух здесь был густым, почти осязаемым — казалось, его можно пить, как чай.

Стены коридора были не каменными, а деревянными — тёплое, живое дерево с янтарными прожилками, которое слабо светилось в полумраке. С потолка свисали пучки сушёных растений, связки цветов и какие-то коренья, похожие на скрюченные пальцы. Они покачивались, хотя сквозняка не было. Элио пригнулся, проходя под особенно низкой связкой, и уловил запах ромашки.

— Не отставай! — бросил староста через плечо.

Старосту звали Маркус. Он был высоким, жилистым парнем с коротко стриженными волосами и усталым лицом человека, который провёл слишком много бессонных ночей над учебниками. Его горчичная мантия с медным кантом была измята, а на рукаве красовалось пятно — то ли от зелья,

то ли от соуса. Он шагал быстро, не оборачиваясь, и Элио с Финн едва поспевали за ним.

— А почему здесь всё время меняется? — спросила Финн, перепрыгивая через ступеньку, которой секунду назад не было. — Я думала, это только в Изнанке так.

— Академия стоит на Перекрёстке, — ответил Маркус, не замедляясь. — Это точка равновесия между Лицевой стороной и Изнанкой. Здесь пространство стабильнее, чем в Изнанке, но не такое стабильное, как в мире Глухих. Коридоры дышат. Иногда они чихают. Привыкнете.

— Чихают? — переспросил Элио.

— Один раз на втором курсе коридор чихнул так, что меня выбросило в Сад Забытых Вещей. Три часа искал дорогу обратно. Там, кстати, очень скучно — одни старые зонтики и сломанные часы. И кукла, которая орёт, если на неё наступить.

Финн хихикнула. Элио подумал, что Маркус шутит, но лицо старосты оставалось серьёзным. Он не шутил.

Они свернули за угол и оказались перед лестницей, которая вела вверх. Точнее — она вела вверх сейчас. Элио заметил, что ступени слегка мерцают, как будто раздумывая, не стать ли им чем-то другим. Он наступил на первую ступеньку осторожно, ожидая подвоха, но ступенька выдержала.

— А что такое Сад Забытых Вещей? — спросила Финн, поднимаясь следом.

— Место, куда попадают вещи, о которых все забыли, — сказал Маркус. — Ключи, которые никто не ищет. Книги, которые никто не читает. Игрушки, которые никто не любит. Они лежат там и ждут. Иногда — веками.

— Ждут чего?

— Чтобы кто-то вспомнил.

Финн замолчала. Элио шёл и думал о том, сколько вещей он забыл за свою жизнь. Старый плеер, который сломался в третьем классе. Наушники, которые потерял в автобусе. Книгу, которую не дочитал и отложил на полку. Все они, наверное, сейчас в Саду Забытых Вещей. Ждут.

Лестница кончилась, и они вышли в круглый зал.

— Очаг, — объявил Маркус. — Гостиная Крыла Состояний. Ваше новое место обитания.

Элио остановился на пороге и выдохнул. Это было самое уютное помещение, которое он видел в жизни.

Потолок был низким, с тёмными деревянными балками, на которых висели медные лампы. Лампы излучали мягкий, золотистый свет — не магический, а живой, как от свечей, только ярче. По периметру зала стояли диваны и кресла — старые, потёртые, с подушками, которые явно помнили не

одно поколение студентов. Некоторые кресла были такими большими, что в них можно было утонуть. Пол устилали ковры — лоскутные, сшитые из десятков разных тканей, синих, зелёных, бордовых, золотых. Они накладывались друг на друга, и идти по ним было мягко, как по мху.

В центре зала возвышался камин. Огромный, сложенный из грубого камня, с чугунной решёткой и трубой, уходящей в потолок. В камине горел огонь — и это был необычный огонь. Он переливался цветами: оранжевый сменялся зелёным, зелёный — голубым, голубой — фиолетовым, и в каждом переходе слышался тихий вздох, как будто пламя дышало. От камина исходило тепло — не обжигающее, а мягкое, обволакивающее, как объятие.

Вдоль стен тянулись книжные полки, заставленные томами в кожаных переплётах, пучками сушёных трав, баночками с мёдом, пузырьками с разноцветными жидкостями и странными предметами, назначения которых Элио не знал. На одной полке стояла фарфоровая кошка, которая медленно поворачивала голову, следя за вошедшими. На другой — песочные часы, в которых песок сыпался вверх. На третьей — стеклянный шар с миниатюрной грозой внутри: крошечные молнии били в стенки шара, и оттуда доносились тихие раскаты грома.

— Вот это да, — выдохнула Финн.

— Нравится? — раздался голос.

Из-за камина вышла женщина. Та самая, которую Элио видел на Церемонии, — миниатюрная, с короткой стрижкой «под мальчика» и тёплыми карими глазами. На ней был передник с множеством карманов, из которых торчали пробирки, пучки трав и какие-то инструменты. От неё пахло зелёным чаем, мятой и ещё чем-то — то ли ванилью, то ли миндалём.

— Я — профессор Сора Мацуда, — сказала она. — Для вас — просто профессор Сора. Или декан, если хотите официально. Но лучше просто Сора.

Она обвела взглядом группу первокурсников. Их было семеро, включая Элио и Финн: ещё двое парней и три девушки, чьи имена Элио пока не запомнил. Все стояли, приоткрыв рты, и оглядывали Очаг с выражением благоговейного ужаса.

— Крыло Состояний, — продолжала Сора, — это не просто факультет. Это семья. Мы изучаем алхимию эмоций, исцеление и работу с внутренним миром. Мы не сражаемся с врагами — мы их понимаем. Мы не ломаем — мы чиним. Это не значит, что мы слабые. Это значит, что наша сила в другом.

Она подошла к камину и провела рукой над пламенем. Огонь на секунду стал золотым — чистым, ярким, без примесей.

— Эмоция, — сказала Сора, — это не слабость. Это энергия. Самая мощная энергия во вселенной. Страх может разрушить горы. Гнев может сжечь леса. Любовь может воскрешать мёртвых. Мы, алхимики Состояний, учимся работать с этой энергией. Не подавлять её. Не игнорировать. А направлять.

Она повернулась к студентам.

— Запомните главное правило нашего Крыла. Его нет в учебниках, но оно важнее всего, что вы прочитаете за пять лет. Звучит оно так: «Не навреди себе». Сначала — себе. Потом — другим. Потому что если ты разрушишь себя, ты не поможешь никому. Я видела слишком много целителей, которые сгорали, пытаясь спасти других. Я не хочу, чтобы вы сгорели. Понятно?

— Понятно, — хором ответили первокурсники.

— Хорошо. Тогда располагайтесь. Ваши комнаты на втором этаже. Имена на дверях. Завтра в восемь утра — первое занятие. Опаздывать не советую: коридоры по утрам особенно капризны. Вопросы?

— А когда обед? — спросил один из парней.

Сора улыбнулась.

— Через час. Трапезный Зал в центральном крыле. Компасы получите завтра, а пока идите за запахом. Кухня у нас отличная.

Комната Элио оказалась в конце коридора на втором этаже. Табличка на двери гласила: «Э. Уиллоу». Буквы были вырезаны в дереве и чуть светились — тем же золотистым светом, что и лампы в Очаге. Элио толкнул дверь и вошёл.

Комната была маленькой, но уютной. Узкая кровать у стены, застеленная лоскутным одеялом — синим с золотыми звёздами, почти как дома. Письменный стол у окна. Книжная полка, пока пустая. Небольшой эркер с видом на теплицы — за стеклом виднелись ряды растений, некоторые из которых слабо светились в сумерках. На подоконнике лежала подушка — видимо, чтобы сидеть и читать.

На стене висела картина — пейзаж с зелёными холмами и пасущимися овцами. Облака на картине медленно двигались. Овцы щипали траву. Где-то вдалеке, на нарисованном холме, стояло нарисованное дерево, и его листья колыхались от несуществующего ветра.

Элио поставил чемодан на пол, снял рюкзак и сел на кровать. Пружины скрипнули — привычный, домашний звук. Он оглядел комнату и почувствовал, как напряжение послед-

них дней понемногу отпускает. Здесь было тихо. Здесь было безопасно. Здесь пахло деревом и лавандой, а не озоном и жжёным сахаром.

Он начал распаковывать вещи. Одежду — в шкаф. Учебники (пустые пока, их выдадут завтра) — на полку. Письма от Тали — в ящик стола. Гаечный ключ от папы — на подоконник, рядом с подушкой. Плюшевого кролика по имени Капитан — на кровать, в изголовье.

Элио посмотрел на кролика. Кролик посмотрел на него стеклянными глазами.

— Ну, что думаешь? — спросил Элио. — Нормальная комната?

Кролик молчал. Но Элио показалось, что он одобряет.

В дверь постучали. Три быстрых, энергичных удара — так стучала только Финн.

— Войдите!

Финн влетела в комнату, даже не дождавшись ответа. Её глаза горели, а веснушки на щеках, казалось, стали ещё заметнее — то ли от волнения, то ли от быстрой ходьбы.

— Ты видел теплицы? — выпалила она. — Там растения, которые светятся! И грибы, которые поют! Я не шучу, они

реально поют, я слышала! Какая-то жуткая колыбельная, но красивая. И ещё там есть кусты, которые плачут. Настоящими слезами. Если стоишь слишком близко — обрызгивают. Я уже мокрая!

Элио заметил, что её рукав действительно влажный.

— Ты успела за десять минут обежать все теплицы? — спросил он.

— Нет, только две. Их там штук шесть! Или восемь. Я не считала. — Финн плюхнулась на кровать, заставив пружины жалобно скрипнуть. — Как тебе комната? У меня такая же, только картина с морем. Чайки летают. Одна нарисованная чайка попыталась украсть мой бутерброд. Представляешь?

— Представляю.

— И ещё там есть шкаф, который сам вешает одежду. Я засунула туда свитер, а он его выгладил и повесил на плечики. Это вообще законно?

— В Академии магии, наверное, да.

Финн хихикнула. Она сидела на кровати, болтала ногами и выглядела такой счастливой, что Элио невольно улыбнулся. Рядом с ней тревоги отступали. Может быть, это был её Проводник — способность рассеивать чужой страх. А может быть, она просто была таким человеком.

— Слушай, — сказала она, вдруг став серьёзной. — Как ты? Ну, после Церемонии. После того, что сказал этот... Крофт.

Элио помолчал. Он думал об этом весь путь до Крыла. О жёлтых глазах Грейвза. О длинной тени Крофта. О шёпоте, который сказал: «Будь осторожен».

— Не знаю, — сказал он. — Мне показалось, что они оба знают что-то. Что-то про меня.

— Про твой Проводник?

— Да. «Пустота». «Такого не было сто лет». «Я буду следить с особым интересом». — Элио передразнил вкрадчивый голос Крофта. — Это звучит... не очень хорошо.

— Может, он просто впечатлён? — предположила Финн. — Моя бабушка говорит, что редкие Проводники — это всегда событие. За ними следят, их проверяют, им прочат великое будущее. Может, это просто стандартная процедура.

— А тень?

— Какая тень?

— У Крофта. Его тень на полу была длиннее, чем нужно. И она двигалась не так, как он. Я видел.

Финн нахмурилась. Она не видела тень — стояла слишком далеко. Но она не стала говорить, что Элио показалось. Она просто кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Будем следить за Крофтом. И за Грейвзом. Вместе. У тебя есть я, у нас есть Лин и... ну, может быть, Кассиан. Он, конечно, вредный, но, кажется, не злой.

— Ты так думаешь?

— Я чувствую, — сказала Финн. — У меня Проводник — эмпатия. Я чувствую людей. Кассиан — колючий, как ёж, но внутри он... не знаю. Грустный? Одинокий? Он не плохой. Просто ему трудно.

Элио вспомнил, как Кассиан стоял в коридоре и разговаривал со своим отражением. «Заткнись», — говорил он. А отражение ухмылялось.

— Может быть, — сказал он.

Финн спрыгнула с кровати.

— Ладно, хватит сидеть! Пойдём искать Трапезный Зал. Я голодная. И заодно посмотрим, куда делась Лин. Она, наверное, зарылась в книги и забыла поесть.

— Откуда ты знаешь?

— Я бы на её месте зарылась в книги и забыла поесть, — сказала Финн. — А мы с ней похожи. Только она молчаливая, а я нет.

Элио встал, поправил кролика на подушке и пошёл за Финн. У двери он оглянулся. Комната была маленькой, чужой и одновременно уютной. Картина с облаками. Овцы на холме. Гаечный ключ на подоконнике. Здесь можно жить.

Он закрыл дверь и пошёл по коридору. Где-то впереди Финн уже рассказывала кому-то из первокурсников о плачущих кустах.

Трапезный Зал находился в центральном крыле Академии, и дорога туда заняла у них почти полчаса. Не потому что было далеко — потому что коридоры снова начали чудить.

Сначала лестница, которая вела вниз, решила, что она винтовая, и закрутила их на три лишних этажа. Потом коридор, который шёл прямо, внезапно закончился тупиком, и им пришлось возвращаться. Компаса у них ещё не было, поэтому ориентировались они по запаху — в прямом смысле. Где-то впереди пахло жареным мясом, свежим хлебом и корицей, и они шли на этот запах, как мультяшные герои.

— Если мы не найдём этот зал за десять минут, я начну есть стены, — заявила Финн.

— Стены здесь, наверное, несъедобные, — заметил Элио.

— Ты недооцениваю мой голод.

Наконец они вышли в широкий коридор, который закон-

чился огромными двойными дверями. Двери были дубовыми, с резными сценами: пиры, танцы, маги, поднимающие кубки. Над дверями висела табличка: «Трапезный Зал». Под табличкой кто-то приписал мелом: «Здесь кормят. Наконец-то».

Они вошли. Трапезный Зал был огромен. Четыре длинных стола расходились лучами от центра, и каждый был накрыт скатертью своего цвета: синей, зелёной, горчичной и фиолетовой. Над столами парили светильники — не лампы, а живые огоньки, которые медленно кружились под потолком, как светлячки. В центре зала возвышалась статуя — человек в простой хламиде, босой, стоящий на перекрёстке. Лица не было видно — его скрывал капюшон. Элио узнал Архитектора.

Студенты уже сидели за столами. Синий стол — Крыло Отражений. Зелёный — Слова. Горчичный — Состояний. Фиолетовый — Договора. Элио заметил, что за фиолетовым столом студентов меньше всего, и сидят они как-то... тихо. Не переговариваются, не смеются. Едят молча, глядя в тарелки.

— Вон Лин, — сказала Финн, указывая на зелёный стол.

Лин сидела одна в дальнем конце. Перед ней стояла тарелка с супом, но она не ела — читала книгу, низко наклонив голову. Рядом с ней лежала ещё одна книга и какие-то

свитки. Она выглядела так, будто поселилась здесь и не планировала уходить.

— Одна, — сказал Элио.
— Да, — сказала Финн. — Это неправильно. Пойдём.

Она решительно направилась к зелёному столу. Элио пошёл за ней. Несколько студентов из Крыла Слова посмотрели на них с любопытством — две горчичные формы среди зелёных были чужаками. Но Финн не обращала внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.